

Кирилл КНЯЗЕВ ПЬЮЩИЕ ЧУДО

18+

@ЭЛИТА

Кирилл Князев

Пьющие чудо

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12165855
Пьющие чудо: Аэлима; Екатеринбург; 2015*

Аннотация

Дамы и господа! Добро пожаловать в Канву. Только здесь у вас появляется шанс прожить вторую жизнь, подзаработать, пережить невероятные приключения, влюбиться, не боясь за репутацию... и умереть столько раз, сколько захочется.

Конечно, за это придётся заплатить Канве. Ну да это будет не скоро, и совсем не больно. Итак, бескрайние леса, кишасщие зверями, дикари, золото, Чудо, города и замки – а может быть и собственная уютная ферма, о которой вы давно грезите! – всё это ждёт вас. Осталось только закрыть глаза.

И узнать, насколько вы больны.

Содержание

Глава 1, часть первая	5
Глава 1, часть вторая	35
Глава 2, часть первая	70
Глава 2, часть вторая	94
Глава 2, часть третья	122
Глава 3, часть первая	141
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Кирилл Князев

Пьющие чудо

© ЭИ «@элита» 2015

* * *

Врываясь в манящей КАНВЫ круговерть,
Получишь сполна, так, как видишь картину —
Одним – кружева суждено разглядеть,
Другим – лишь смертельный узор паутины.

Но всё же, шагнув по тропинкам КАНВЫ,
Напившись свободой алых рассветов,
Здесь видя свои потаённые сны,
Навеки останешься пленником клеток,

Где каждый твой шаг – это чёткий стежок...
Ты, собственноручно узор вышивая,
Словами, поступками, нитью дорог,
Уходишь в КАНВУ, о Земле забывая...

Глава 1, часть первая

Любому греху можно найти оправдание. Кто-то скажет, что это низко, мерзко. Что это слабость. Я, как старатель, скажу: это единственный способ остаться в здравом уме. Не стоит чураться этого простого приёма. Вы обязаны перед обществом быть психически здоровым человеком.

Из блога Ткача.

Ветер белкой скачет по колючим еловым лапам. Качает острые пики верхушек. Мчится дальше, волнуя зелёное море леса. Над ним – янтарная лента заката. Она тает на размытой границе между ночью и днём. Но даже здесь видны бледные огоньки звёзд.

Ночь близко.

Пламя, танцующее на поленьях, дрожит, встревоженное касанием ветра. Столб сизого дыма изгибается, ложится на землю, укрытую ковром жёлтой хвои. Скользит в мою сторону. Ест глаза.

Ругнувшись, я поворачиваюсь спиной к костру.

Сколько ни гуляй по лесам – к дыму привыкнуть невозможно. Кулаком утираю выступившие слёзы.

Гадство.

Вот моим спутникам хорошо. Лежат себе на прогретой земле, кутаются в спальники. Совсем рядом со мной – Да-

нил. Мужчина тридцати лет, с красивым смуглым лицом, редящими тёмными волосами. Сложение у него мощное – видно даже под толстой утеплённой тканью. Сильным людям здесь всегда рады. Но Дану я рад не поэтому. Просто хороший надёжный человек. Настоящий друг, словом.

Возле мужчины сопит, повернувшись друг к другу спиной, парочка. Хомяк и Аня. Совсем молодой парень – мальчишка, даже для меня. И девушка постарше. Моя ровесница. На первый взгляд – совершенно разные типажи. Он – с длинным худым лицом, светлыми волосами, тонкой линией губ. Сейчас веки сомкнуты, но я знаю, что глаза у него – голубые. Она – с круглой симпатичной мордашкой, широкими скулами, чувственными полными губами. Глаза у неё карие. Сегодня Анна забрала волосы в пучок. Вне похода по хрупким плечам струится пепельно-русый каскад.

Красивая девушка. Парень, наверное, тоже. Уже сейчас ясно, что его худоба, угловатость – явление временное. С возрастом пройдёт.

Пара контрастная. Не подумаешь, что родные брат и сестра.

Ветер стихает. Отрываю взгляд от мирно спящих товарищей. Наблюдать за пляской огня куда увлекательнее. Но в тишине, свалившейся на лес, слышу отчётливый хруст надломленной ветки. Натренированный слух подсказывает, что это – не галлюцинация, какие бывают, когда ждёшь беды. И не потрескивание костра. Я даже могу угадать расстояние:

метров двадцать отсюда. Совсем рядом.

Лес полон жизни. Хруст в нём – явление обыденное. Может, птица сорвалась с ветки. Или пробежал ночной зверь. А может, свалился на землю сухой сучок.

Но... Земной лес и лес здешний – вещи разные. И птица, и зверь могут стать причиной преждевременной кончины. Умирать в Канве не так страшно, как на родине. Но сейчас наша группа не может себе этого позволить.

Поэтому я снова делаю вид, будто дым попал в глаза. Как бы невзначай, носком сапога задеваю спящего Дана. Мужчина вздрагивает. Открывает глаза. Но головы не приподнимает. Взглядом указываю на темноту, царящую меж замшелых стволов. Данил через спальник пинает Хомяка. Хомяк продолжает мирно спать. Тогда мужчина, скорчив кровожадную гримасу, повторяет движение. Белокурый, по-змеиному зашипев, возвращает пинок, и только после этого пяткой будит сестру.

Всё, команда проснулась. Я притворно-скучающе вздыхаю. И в следующее мгновение вскакиваю с места. Прыжок – пролетаю над костром, лица касается огненный жар. Земля мягко пружинит под ногами, ладони цепляются за шершавую кору ветки. Движением заправского кавалериста седлаю колючую лапу.

Место под лагерь я выбрал не случайно. Где ещё встретишь такое удобное гнёздышко на случай неприятностей?

Левая рука тянется к грудному карману – здесь у меня ле-

жат средней мощности снаряды. Правая ложится на пояс. В ладонь, будто сама, впрыгивает рукоять рогатки. Вкладываю испещрённый отметинами камешек в кожаное «седло».

На Земле, может быть, рогатка – игрушка для малышни. В мире Канвы не только лес и живность, само оружие выглядит иначе.

Какое-то время ничего не происходит. Секунды три-четыре, наверное. Всё так же горит костёр, отбрасывая алые блики на мирно лежащих в спальниках ребят. Отсюда они смахивают на куколок гигантских бабочек.

А затем чашу разрывает надсадный треск. Кто-то, не таясь, ломится через кусты орешника. Темнота исторгает гибкое хищное тело зверя. Он, будто пародируя меня, опускается на землю возле огня. Сжимается в комок, готовясь к прыжку. Что ж, надо отдать должное: отсюда, не напрягаясь, хищник собьёт меня с ветки. Для такой туши скакнуть на два метра, садануть когтями по слабой человеческой плоти – раз плюнуть.

Но зверь молод. Он теряет время, выискивая меня среди хвой.

В свете пламени бликует рыжим красивая шкура. Роскошный хвост в нетерпении метёт опавшие листья. Желтоватые глаза сверкают под массивным лбом. Уши прижаты назад, на волчьей морде – хищный оскал.

– Ты мой хороший...

Рывком натягиваю резинку рогатки. Зверь сообразил, что

больше мешкать нельзя. Могучим прыжком он отрывается от земли... щелчок – камушек, шурша, несётся навстречу горе мышц. Заряженный рукодельницами снаряд ударяет как раз промеж полных звериной ненависти глаз.

Простой камень, на родине, срикошетил бы, оставив хищнику на память обидную шишку. Но, слава Богу, я не воюю простыми камнями.

Рядом будто кто-то щёлкнул затвором фотоаппарата со вспышкой. Я на долю секунды слепну, инстинктивно прижимаюсь, ожидая получить когтистой лапой по незащищённому лицу. Но вместо боли чувствую кожей волну тёплого воздуха. Слышу глухой удар.

Ко мне возвращается зрение: перед глазами скачут огненные зайчики.

Громадное волчье тело бьётся в судорогах на углях костра. В темнеющее небо рвётся стайка искр, полянка усеяна догорающими головешками. Света мало, но я вижу, как выныривают из спальников члены команды.

Данил первым настигает оглушённого зверя. Взмах топором – обсидиановое лезвие опускается на массивную волчью шею. В наступившей тишине отчётливо слышен глухой стук – будто не живое мясо рубят, а банальные поленья.

Хомяк не спешит присоединяться к Дану. Он вскидывает над головой руку, словно балерина, кружит нелепое фуэте.
– Хома, едрить! – ору я. – Не смей!

Поздно. Разбросанные уголья начинают разгораться,

освещающая миниатюрное поле битвы. Будто разом зажгли десяток факелов. К макушкам сосен, гудя, поднимаются огненные нити фейерверков. Я зачарованно провожаю их взглядом, против воли жмусь спиной к стволу. Шумные ракеты, выписав причудливые вензеля, одна за другой обрушиваются на дёргающуюся звериную тушу.

Дан чудом успеваает отскочить. На меня пышет жаром: ни дать ни взять кто-то открыл зев кузнечного горна.

Рыжая шкура волка вспыхивает, испаряется, обнажая клетку чернеющих рёбер. Ещё секунду пламя держится на костях, затем гаснет.

Лагерь погружается в непроницаемую темноту.

– Пироман доморощенный! – ругается внизу Данил. – Маньяк! Ты чего творишь?

Хорошо, когда рядом талантливый стихийник. Плохо, когда у таланта дурная голова. Не парень, а средоточие контрастов!

Спрыгиваю на землю. Конечно, и от меня Хомяку бы влетело на орехи. Его счастье – некогда.

– Я думал, ты не справишься, – растерянно говорит Хома. – Вот, решил поддержать...

– У войны не женское лицо, – сварливо отзывается Аня, – у неё твоё лицо, братец! Ты нас чуть не кремировал!

Опускаюсь перед тлеющим звериным телом на колени.

– Мне нужен свет, – говорю. – Быстро.

От вонии горелой шерсти мутит. Плохо. Концентрация для

меня сейчас важнее всего на свете.

– Сейчас бу... – начинает Хомяк, но мы дружным воплем «Нет!» обрываем его.

– Я сама, – дрожащим от волнения голосом произносит Аня. – Ты, Хомочка, лучше в сторонке побудь.

Над горелой тушей с жучиным гудением вьётся рой здоровенных, с грецкий орех, светляков. Первое время света от них немного. Но затем зеленоватые лампочки на брюшках разгораются, и я вижу не только чернелый костяк, но и бледные лица друзей.

– Хватит? – спрашивает девушка.

– Нормально.

Мы смотрим на обожжённую тушу. Каждый из нас видит её по-разному. Дан, к примеру, наблюдает обожжённый скелет – то, что должен видеть любой нормальный человек. Хомяк наверняка различает на останках *нити* пламени – от них, невидимых для меня, до сих пор идёт жар. Для элементалиста это обыденная картина.

Так же, как привычно Анне видеть рассыпающиеся нити жизни. Для пряжи, близкой к тонким материям Канвы, это более чем естественно.

Я же – старатель. Я не вижу ни жизни, ни смерти, ни материи *утка*, из которой соткан этот мир. Вообще, мы мало чем отличаемся от обычных. Кроме малюсенького отклонения: я, и подобные мне, видим Чудо.

Это просто. Я вижу там, за стенками рёбер, где некогда

билось могучее сердце хищника, рубиново-красный клубок. Обычный клубок нитей, вроде тех, из которых вяжут, к примеру, свитера.

Чудо не может выглядеть по-особенному. На то оно и Чудо.

Я протягиваю ладонь меж рёбер. Без труда нахожу конец невидимой для ребят нити. Привычным движением наматываю её на рогатку.

То, что я вижу сейчас – Чудо жизни. Как и любое из чудес этого мира, оно доступно для всех. Будь ты человек, или зачарованный жук, что кружит сейчас над моей головой. Чудо может быть добрым – и не очень. Но, так или иначе, им пользуются все.

Но мы, старатели, используем его по-другому.

– Материал, – говорю я, – несите скорее. Нить рассыпается.

Маленькое Чудо хрупко. И тает мимолётно.

Возле моих колен плюхается груда всякого мусора. Шишки, обглоданные косточки подстреленного вчера зайца.

Грубо стискиваю ладонями неряшливо намотанную пряжу. Давлю, будто под пальцами у меня не чистая энергия – горло врага. До ушей доносится слышное только мне эхо стоны, плача. Кожу на руках начинает нещадно жечь, словно я сдуру растёр её красным перцем.

Поочередно беру вещи, накануне отобранные мной под материал. Жжение с каждым прикосновением начинает сла-

беть, мусор, напротив – наливается призрачным светом. Я рушу, ломаю Чудо. Перевариваю его в то, что дороже всего.

Кроличьи косточки на глазах обращаются серебром.

Да, вот такая у старателей профессия. Делать из Чуда металл. Иногда – драгоценный. Впрочем, для Канвы подойдёт и железо. Здесь его иным путём добыть сложно.

Последние обрывки нити уходят на маленькую сосновую шишку. Перед глазами проносятся картинки чужой жизни: рождение, бесконечные пейзажи, наваливаются звуки, запахи. Наконец, я вижу финальный прыжок волка, нить заканчивается.

Меня бьёт озноб. Хорошо, что разрушая Чудо, я не запоминаю увиденное. Мозг сам выбрасывает лишнее – не будь этого, давно бы лишился рассудка.

– Ого, – говорит Дан, опускаясь рядом со мной. – Золотая! Ты посмотри! А другие – серебряные. По качеству что скажешь?

– Ничего ценного, – отвечаю. – Но шишка получилась знатная.

Принимаю из рук Данила тяжёлый металлический самородок. Золото в точности повторило все контуры шишки. Видны чешуйки, веточка.

– Отчего так?

Я некоторое время молчу, разглядывая маленькое сокровище:

– Последние дни он жил особенно ярко. Вот почему.

Говорить на эту тему не хочется. После каждого сеанса старательства я чувствую себя ужасно. Будто душу вынули, прошлись грязными сапогами, вернули на место. Хочется отмыться от всего этого... но разве отмоешься? Некоторые вещи не стереть мочалкой. Мыло не счищает коготь с души.

– Я-то думал, у красных волков не бывает скучных дней, – проговорил Хомяк. – Это ведь Кэ-Вэ?

– Он самый, – кивает Данил. – Хорошо, что у этих тварей есть дни неудачные.

Он подходит к телу, там, где чернеют крылья костей бедра. В зеленоватом свете я вижу, как Дан вынимает из-за голенища нож, резким движением отрезает волчий хвост.

– Жене на воротник, – говорит он, заметив мой взгляд. Улыбаюсь.

Интересно, есть у него подружка здесь, в Канве? Помимо работы мы общаемся только в мире Земли. Здесь встречаемся ради походов. Ну, или выпить иногда. Настоящей жене, которую я видел пару раз, он этот хвост дарить не станет. Не сможет.

Органику на Землю не протащить. Против законов Вселенной не попрёшь. Вот золото без проблем вытянет. Собственно, потому-то мы и ходим вместе. Костяк нашей команды. Я и Данил. Старатель и мул.

Некоторым людям везёт: имеется способность сливать два мира воедино. Они могут вытянуть из мира грёз металл. Их здесь и называют мулами. Дан очень талантлив. Его знают

и уважают многие. Мул, способный вытянуть до трёх килограммов драгметаллов из Канвы, по-своему гениален.

Другим на роду написано вытаскивать сокровища граммами.

Усаживаюсь на пятую точку. Провожу ладонями по коже штанов. Спина отзывается болью, в голову – будто ваты натолкали. Тяжёлый сегодня выдался денёк. Многокилометровый прорыв по лесу, кишашему хищным зверьём, дежурство, бой.

Пора домой.

– Сколько у нас времени осталось? – спрашиваю.

Рука скользнула за пазуху. Достая исцарапанные карманные часы. Большим пальцем давлю на кнопку – крышка послушно откидывается. Секундная стрелка ползёт медленно. Так, что сложно уловить её движение. Всё в порядке, механизм не сломан. Просто настроен на земное время.

– У меня ещё три часа, – говорит Дан, закатывая рукав. У него советские наручные часы. Хорошая штука, я думал в своё время занять такие же.

Но... не люблю, когда что-то давит на запястье, и уж тем более – болтается.

– И у меня, – отзываюсь.

– Два, – говорит Анна.

– Полтора, – грустно отзывается Хомяк.

В этом расхождении нет ничего удивительного. Количество времени, которое ты можешь провести здесь, напрямую

зависит от количества заходов. Чем чаще погружаешься, тем дольше потом держишься.

Говорят, есть хитрецы, скачущие туда-обратно, чтобы наработать стаж. Но я не думаю, что это действительно. Во-первых, дома тебя ждёт мигрень, ослабленный иммунитет. Во-вторых, Канва – мир умный. Её не обманешь.

– Выходим, – решаю я. – Надо перекурить.

– Поддерживаю, – кивает Данил. – Когда встречаемся? В девять вечера по московскому, как обычно? Возражений нет?

– Нет.

– Нету.

– Угу, – говорю. – Дальше будем работать без передыха, до упора.

– Добро.

Откидываюсь на спину. Через куртку чувствую, как от земли идёт холод. Укутанная в бандану голова устраивается на еловых корнях, будто на подушке. Дискомфорт мешает выходу. Но, к счастью, я в этом деле далеко не новичок. И не из таких мест выходил.

Закрываю отяжелевшие веки. В обступившей меня темноте нахожу поплавок, болтающийся на тонкой леске. Так выглядит мост, ведущий домой. Но только у меня. Аня говорит, что у неё он похож на старую дверь с облупившейся краской.

Протягиваю руку, хватаюсь за бело-рыжий буёк. Леска

натягивается. Выдуманный рыбак подсекает крупную рыбу. Рывок – сознание мутнеет, меня утягивает вперёд, в черноту.

* * *

Пробуждение в земном, настоящем теле – штука скверная.

За двенадцать часов псевдосна мышцы деревенеют. Первые года я, настоящий я, здесь, в родном городе, ворочался. Иногда разговаривал через сон. Но потом, после пятисотого, наверное, захода, спящий я перестал реагировать на движения меня другого, живущего в Канве.

От этого, честно говоря, только беды.

Открываю глаза. Из окна над головой бьёт свет. Недовольно шурюсь, пытаюсь закрыть лицо ладонями. Куда там: онемевшие мышцы позволили закинуть руки на грудь. И только.

Медленно разминаю пальцы на руках и ногах. Нормальная чувствительность постепенно возвращается. Со стоном из-под одеяла скатываюсь на ковёр. Всё так же, стоя на четвереньках, тянусь к шторам. Резкими движениями закрываюсь плотной тканью от ненавистного солнца.

Ночь – лучшее время суток. К чёрту день.

С радостью уходил бы в Канву при дневном свете, чтобы бодрствовать ночью. Но куда деваться, приходится подстраиваться под ребят. Им ещё работать, учиться. Мне, впрочем, тоже. Да ещё, волей-неволей, нужно учитывать мне-

ние близких людей, не знающих моей тайны. Слышал я истории про канвианцев, увлѣкшихся иллюзорной жизнью и проснувшихся в больнице. А что: заходят, допустим, в твою комнату родители. Или жена. Пытаются разбудить. Естественно, безуспешно.

К вечеру, насмерть перепуганные, вызывают скорую, а уж там...

О, ещё ходит легенда о страдальце, очнувшись то ли на собственных похоронах, то ли в заколоченном гробу. Не очень-то весело, да? Сказка глупая, конечно. Но есть в ней доля правды. У ветеранов земной сон действительно похож на кому. И не расскажешь о своих иллюзорных похождениях – быстро упекут в психушку.

Разумеется, доказать существование Канвы могут, и пытаются, мулы. Но, как было сказано, иллюзорный мир умѣн. Вещи из него нарочно, ради правды, не вытягиваются.

Сажусь на край кровати. Пальцами массирую скулы. В голову настойчиво лезет тиканье настенных часов. Поднимаю глаза – восемь утра. Как по расписанию. До вечера ещё далеко, и дел куча.

После десятиминутки обязательных упражнений – как бы ни было хорошо там, в Канве, себя здешнего жизненно необходимо беречь – одеваюсь. Зевая, топаю на кухню, к холодильнику. За дверцей – штабеля бутылок минералки, газировки. Из всего многообразия останавливаюсь на коробочке апельсинового сока.

Запрокидываю голову, стараясь выдавить в рот остатки благословенной влаги, делаю неосторожный шаг назад...

Полы в квартире старые, деревянные. Всё время забываю про половицу-предательницу, лежащую возле холодильника. Надсадный скрип, должно быть, слышали даже соседи.

Замираю увидевшей хищника газелью. Кошусь на дверь, что напротив кухни. Секунда, вторая. Щелкает замок, жалобно визжат несмазанные петли. Из комнаты, запахивая халат, выбирается Женя.

Евгения – это моя спасительница. По совместительству – лучшая подруга. На Земле. Без преувеличений. Остальные друзья живут в Канве.

Невысокая, всего мне по плечо, девушка. Голубоглазая, с миленьким личиком, коротким ёршиком светлых волос. Как говорят, всё при ней. Фигура неплохая, абстрагируясь, могу смело заявить, что – почти идеальная. И грудь высокая, и талия узкая, и попа – вполне себе ничего. И это только внешность, а уж содержание... такую умницу редко встретишь.

С Женей две беды. Первая: от ума одни неприятности. Личная жизнь вечно разлажена, от чего мне вечерами приходится работать жилеткой для слёз. Вторая: она всё-таки мой друг.

– Я как чувствовала, что ты уже... проснулся, – сказала она, усаживаясь за стол. Зашуршал кулером ноутбук. – Кофе приготовишь?

– Угу.

Чувствовала она, как же. Наверняка лежала, пролистывая книжку. Ждала, пока я выдам себя.

Послушно ставлю турку на огонь.

– Как успехи?

– Да ничего такого. Подошли к объекту, этим вечером будем брать.

Она хитро щурит глаза. Тычет кулачком мне в бок.

– Чего ворчишь? – спрашивает. – Неприятности?

Вздыхаю. Вот чего-чего, а ненавижу такие утренние беседы. Мне нужно часа два для того, чтобы прийти в себя от Канвы. Посидеть в одиночестве, привыкнуть к телу. Подумать. Женя об этом прекрасно знает. Но продолжает уже второй год выполнять ненавистный мне ритуал «тормошения».

– Я жду, – строго говорит она.

– Да какие там... просто перед самым выходом приняли бой. Никак не отойду.

– Кто?

– Кэ-вэ...

Девушка понимающе кивает. Конечно, ей, как человеку нормальному, сложно оценить масштаб угрозы, свалившейся на нас из вечернего леса. Но Женя – существо увлекающееся. Благодаря интернету изучила мир Канвы досконально. Для теоретика, конечно.

– Красный волк. Круто! Все целы?

Ответить не успеваю. В кармане джинсов звонит мобильный.

«Входящий вызов – Данилыч».

– Да? – беру трубку.

– Утро доброе, – слышится из динамиков голос Дана. –

Ты как там, Фокс?

– Я-то? Кашеварю.

Разливаю по чашкам терпкий кофе.

– Дело хорошее. Так, шишку я протащил без проблем. Сегодня, в обед, сбегая к Кышу, оценит. Денежку завтра перечислю.

– Не забивай этим голову, подождёт. Сейчас главное – пещера. Остальное шли лесом.

Данил смеётся:

– Твоя правда. Слушай, Фокси, что с голосом у тебя? Простыл? Точно сегодня зайти сможешь? Если что, мы отложим.

Тут друг прав. Больным в Канву лучше не лезть – может выбросить в самый ответственный момент.

– Всё в порядке, – отвечаю. – Просто... – кошусь на Женю. Подруга делает вид, будто листает новостную ленту. Но я-то знаю: подслушивает. Поэтому говорю чуть тише: – Просто тело опять рот открыло. В горле пересохло.

– Ясно. У меня такая ебгерья постоянно. Если всё удачно пройдёт, Кыш тебе сегодня позвонит. И мы встретимся. Если что – до вечера!

Возвращаю телефон в карман. Кыш – хороший человек. Надёжный. И это несмотря на иллюзорную профессию. Честного менялу поискать нужно. Какое счастье, что такой

нашёлся, да ещё в родном городе. Благодаря ему мы с Даном неплохо зарабатываем в иллюзорном мире.

– Деньги нам с тобой оченьгодились бы, – как бы невзначай замечает Женя.

Хмурюсь, вспоминая:

– Я ж за этот месяц тебе отдавал. Разве нет?

Девушка резко поворачивается ко мне. Смотрит строго, по-матерински:

– Месяц-то кончается. Ты чего, друг? Опять из реальности выпадаешь? Возьми-ка себе отпуск на недельку. Заодно с учёбой разберёшься.

– Всё нормально. Просто поход этот... выматывает. Сама должна понимать. Как только доберёмся до Места Силы, кончится вся эта канитель – отдохну.

– Честное старательское? – улыбается она.

– Честное старательское.

Вру, конечно. Некогда мне отдыхать. Земля хороша по-своему, но иллюзорный мир – как наркотик. Если ты хоть однажды вошёл в него, так и будешь сидеть там, как торчок на игле. Слишком уж велик соблазн. Слишком уж не похожа Канва на родину. Там и леса, и горы, и чистые, полные рыбы, реки. Чудеса на каждом шагу, и плюс ко всему – почти настоящее бессмертие.

Нет, умереть там можно. От стрелы, ножа в спину, или клыков. Только это не взаправду. Тамошний ты умрёшь, сознание выбросит сюда. Но уже на следующий вечер снова

можно распивать нефильтованное пиво в таверне, чьи стены украшают морды Канвианских зверей. И так – до бесконечности.

– Кофе стынет, – говорю примирительно. Ставлю на стол исходящие паром чашки.

– Слушай, – тихо произносит Женя. Поворачивается ко мне. Тонкая кисть обхватывает моё запястье. – Если ничего не получится... мы выкрутимся. Пожалей себя. Я ведь это лягнула не от корысти. Просто я знаю: ты же добрый, к деньгам привык. За выгодой не гонишься...

Я улыбаюсь. Знаю, что хочет сказать подруга. Никакой я не добрый. И выгода для старателя – вторая мать. Денег не чувствую, это правда. Но только потому, что живу больше – там.

– У меня в закромах, – таинственным шёпотом говорю я, – ещё много чего лежит! Чёрного дня дожидается. Не надорвусь. Я ж тебе уже месяц как этим походом уши прожужжал. Осталось потерпеть вечер, и я буду снова я.

* * *

Женя – единственная из близких мне обычных, кто знает мою маленькую тайну.

Про Канву она знала давно. Кажется, даже верила. А потом я, один из старых её друзей, вдруг признался. Не от длинноты языка. Просто дома входить в Канву стало слож-

но. До невыносимости. Я заныривал на пару земных часов, чтобы не волновать родителей. Ходил по лесам в одиночку, урывками.

Евгения же который год живёт одна. Квартиранты отчего-то у неё не задерживаются. Вот я и решил закинуть удочку. Довольно удачно. Мы заключили с ней договор: я оплачиваю жильё. Взамен – персональный холодильник, и полная уверенность того, что моё спящее тело никто не потревожит.

Родители истово верят, что я живу с Женей не как с другом. Ну что ж, мне это на руку. Заводить отношения, живя на два мира – тухлое дело. А так есть иллюзия благополучия, нормальности. Все остаются при своих, довольные.

А вот четыре года назад было куда сложнее.

Вы спросите, каково это – входить в Канву первый раз? Я расскажу.

Первое время вам являются яркие сны. Почти реальные: чувствуешь холод, зной, боль в ногах. Перед глазами проносятся картины удивительные, невероятные. Здесь и пейзажи, и сцены любви. Ты начинаешь чувствовать Зов. Что-то вроде той тяги, что испытывают курильщики. Ты ложишься спать с улыбкой на губах, мечтая погрузиться в грёзы.

Затем всё катится под откос. Вместо чудесных снов – жутчайшие кошмары. Мне, например, являлся разорённый, сожжённый дотла посёлок. Я чувствовал жар пепелища, слышал запах горелого мяса. Кошмар терзает тебя, утром встаёшь помятый, невыспавшийся. Так продолжается очень дол-

го. До тех пор, пока ложиться в кровать становится попросту страшно.

И ты не ложишься. Уделяешь сну два-три часа. Потом меньше, меньше... до тех пор, пока не отвыкнешь спать. Вообще. Что бы ни говорили врачи, но жить без отдыха возможно. Мы, жители иллюзорного мира, доказали это на собственной шкуре. Здесь, на Земле сон нам не нужен, совершенно. Более того: мы не умеем засыпать. Да, можно лечь, закрыть глаза, но – и только.

Период бессонницы длится у всех по-разному. У меня, например, он проходил полтора месяца. А потом я вдруг понял, что успокаиваясь (под хорошую музыку, например, или шум дождя), впадаю в транс. Исчезают звуки, запахи. Гаснет мир.

Как только Земля исчезает из сознания, ты просыпаешься в Канве. Мире снов, иллюзий. Мире, где кучка невезучих людей пытается строить иллюзорную жизнь. Мире, сотканном из тончайших нитей энергии. Даже не пытайтесь найти их дома, в родной вселенной. Может статься, что на Земле их нет, что она устроена иначе.

Канва – это основа, невидимая, неосязаемая, но вездесущая. И уток – деревья, камни, вода, и прочее. Это гигантский, не исследованный до конца остров. Дикий, опасный, манящий.

Да, мы в иллюзорном мире бессмертны. Но срок пребывания, у людей адекватных – двенадцать часов. Задержива-

ьясь, ты рискуешь увязнуть здесь настолько долго, что настоящее тело умрёт. И ты навсегда останешься здесь. Станешь бездумной частью мира. Зверем, или какой тварью похуже. Человеческий облик без человеческого же мышления сохранить невозможно.

Именно поэтому самый ходовой товар – часы. Их как-то хитро настраивают, чтобы время текло соответственно Земному.

Первое правило иллюзорщика – посмотри на часы. Второе – по сторонам. И третье – снова на часы. Со смертью не шутят.

Дайте угадаю. Вы сейчас скептически усмехаетесь. Мол, семьсот двадцать минут для настоящей жизни – мало. Со стороны кажется, что иллюзорщики только играют в жизнь.

Но что, если я скажу: двенадцать земных часов равны трём суткам Канвы?

То-то же.

Здесь мы общаемся, едим, любим, ненавидим... спим, в конце концов. Только здесь, в мире, которого на самом деле нет, иллюзорщик может выспаться. На Земле это делать бесполезно. И если ты уж сумел занырнуть в Канву, тебе придётся её посещать хотя бы для сна. Иначе будет худо. Двадцать четыре часа без сна на две жизни – ещё куда ни шло. Неделя без сна – легко. Месяц, два – возможно. Но дальше сознание начинает форменно ехать, расплываться.

Я знаю, я пережил это.

Как и любой другой, подобный мне.

* * *

Двери маршрутки распахиваются, лица касается свежий морозный воздух. Лихо спрыгиваю с последней ступеньки, и сразу по щиколотку проваливаюсь в снег. Намело совсем недавно – часа не прошло. А весь город уже стоит в пробках.

Достаю мобильный, смотрю на время. Опаздываю. Кыш с Данилом уже минут двадцать ждут меня. Нехорошо.

На ходу набираю номер Дана. Слышу гудки, затем друг берет трубку:

– Где тебя носит?

– Метель же... – оправдываюсь.

– Давай, давай, поспешай, нам ещё вечером «по грибы идти».

Встретиться мы договорились за углом государственного банка. Место удачное: с дороги не видно, и, если что, можно перевести деньги на карточку. Не люблю таскать с собой наличные.

Подстёгиваемый совестью, дошёл я минут за шесть. Кыш и Дан о чём-то негромко беседуют, зябко ёжась, пританцовывая. Заметили меня, призывно машут руками.

Как будто мимо пройду. Нет, здесь у меня зрение похуже, чем в Канве, но всё же...

– Тебя за смертью посылать надо, – с улыбкой говорит

Кыш.

На щёточке густых русых усов – снежинки. Невольно гляжу в светло-серое небо. Наверху будто распотрошили гигантскую подушку, и ветер теперь несёт пух над тесными Горьковскими улочками.

Обмениваемся рукопожатиями. За что люблю ребят, так это за крепость руки. Терпеть не могу, когда руку жмут вяло. С этим в нашей компании проблем нет. Канва закаляет характер.

– Вот металл, – говорит Данил, протягивая Кышу завернутый в целлофановый пакет-маечку самородок.

Кыш отвечает кивком, прячет золото во внутренний карман.

– А взвесить?... – начинаю было я.

– Всё уже взвесили, – ворчливо отзывается Дан. – По сто раз. Пока тебя ждали.

Кыш протягивает конверты мне и Дану. Я, не пересчитывая, прячу деньги.

– Пересчитай, – говорит меняла.

– Да, ёлки! Опять за своё, я же...

– Нет, ты пересчитай, – повторяет Кыш. – Мы с тобой друзья большие, конечно. Но когда время доходит до дела – тут нужен грамотный подход.

– Взрослей, – поддакивает Дан. – С деньгами не шутят.

Пересчитываю. Десять тысяч крупными купюрами. Ох, ну и куда я с ними? Теперь разменивать...

Старательно взрослея, прячу конверт. Корчу серьёзную мину.

– Почти идеал! Только лицо попроще сделай...

Смеёмся. Я закуриваю, чуть отойдя в сторону. Ребята берегут здоровье, но когда я дымлю, скромно помалкивают. У каждого свой метод успокоения нервов. А с нервами в нашем деле совсем беда.

Стараюсь курить так, чтобы сизая струйка не касалась друзей.

– В общем, что я хочу сказать напоследок, – вздыхает Кыш, натягивая перчатку. – Молодцы вы, ребята. Как всегда. Дошли раньше срока, никого не потеряли... говорю точно: ещё годика два, и быть вам живыми легендами.

– Так и шёл бы с нами, – говорю. – Когда стихийник лишним был?

Кыш ухмыляется в усы:

– Я бы с радостью, но Земля не отпускает пока. Жена, дети. Да и... вокруг башни какая-то дрянь неделю ошивается. Всё никак не соберусь прогнать.

– Зови, – говорит Дан.

– Позову, – кивает Кыш. – Со всеми вытекающими. Уж я-то не обижу.

Матёрые элементаристы, вроде нашего общего друга, не живут в Городе. Им по силам держать собственную маленькую неприступную крепость. Место под застройку они выбирают хитро: рядом обязательно должен быть хоть какой, но

Источник Силы. Без Чуда жить сложно. Но к Источникам, как магнитом, тянет всякую дрянь. От дикого зверья до разумных фриков. Башню они, конечно, штурмом не возьмут – как пробраться в дом, у которого и дверей-то нет? – зато хлопот на выходе доставят изрядно.

И клиентов не пригласишь. А уж их у стихийников – как песка в пустыне. Кому стену возвести, кому ручей в нужное русло направить. Всего не перечислить.

– Ладно, мужики, – вздыхает Кыш, хлопнув меня по плечу. – Семейный долг зовёт. Удачи вам.

– Удача с нами, – хором, вместе с Даном, отвечаю. Переглядываемся, улыбаясь.

Размашистой походкой меняла удаляется. Мы остаёмся молча смотреть на тихий дворик. Летит, наметая сугробы, снег. Редкие машины украшают белые шапки. У некоторых – замело стёкла. Видно, хозяева опрометчиво решили проехаться на городском транспорте, поверили чистому, голубому с утра, небу.

Рядом с тонущими в снежном пухе старыми качелями играют дети. Пробуют перебрасываться снежками – получается скверно: не лепятся снежинки в крепкие комки. Но малышне хватает и этого: с визгом носятся вокруг покрытого облупившейся краской железа. Когда есть фантазия и толика свободного времени – скучать не приходится. Особенно в детстве.

– Мы тоже как дети, – вдруг произносит Дан. – Только

вместо снега у нас кое-чего пострашнее.

Солидарно киваю. Данила только в яви пробивает на подобные разговоры. На Земле он разом стареет, а в Канве – вечно молодой. От этого контраста немножко не по себе.

– Все мы... вечные дети. Только с пережитыми зимами куш за победу растёт, – отвечаю я. – Боишься заиграться?

– Поздно бояться, Фокси. Поздно.

* * *

К родителям я заглядывать не стал. Ограничился телефонным звонком. Времени до входа в Канву осталось – всего ничего. Нужно ещё успеть привести себя в порядок, настроиться морально.

Как бы ни тянуло в иллюзорный мир, всё равно, уходить из мира земного вот так, с наскака, нельзя. Нужно вежливо сказать родине «до свидания», почитать хорошую книжку. Или фильм посмотреть. Иначе – заблудишься меж двух реальностей. И будет у тебя не личность – жалкая тень.

Женя подозрительно быстро открыла дверь. Посторонилась, впуская меня.

Я цепким взглядом подмечаю, что подруга успела подвести глаза, накрасила губы. Вместо футболки и джинсов – цветастое платье.

– Ждёшь кого? – спрашиваю, отряхивая с куртки снег.

– Молодой человек должен подойти, – говорит Женя. – С

друзьями.

– Что же, без сопровождения никак? – улыбаюсь я. Разубаюсь. – Рейдом, что ли, на тебя собрался? Ну, Бог в помощь тогда.

Женька пытается отвесить мне подзатыльник, я уворачиваюсь. Краем сознания подмечаю, что действую не в рамках шутки – на рефлексах. Хороший признак. Быстрее оклемаюсь после нырка в Канву.

– Он у тебя не иллюзорник, часом? Если да – гони в шею, – продолжаю подтрунивать я, отступая к кухне.

После холода горячий чай – самое то.

– Не, – мрачно произносит Женя, надвигаясь на меня, – хуже. Геймер.

Зажигаю конфорку. Ставлю чайник на цветок голубого пламени.

– В шею, золотце, в шею гони...

– Он хороший, – улыбается подруга. Гоняться за мной ей надоело. Решила заняться заваркой. – Тебе понравится. И ребята забавные... своеобразные такие.

– О, – вздыхаю я, ногой пододвигая к себе табурет. – Как жаль, что шабаш без меня пройдёт.

Женя, решив, что я окончательно капитулирую, разлила чай по чашкам. Чуть отхлёбываю. Хорошо. Будь моя воля – выпил бы четыре... нет, пять таких стаканов. Но тело за время псевдосна может оконфузиться. Перед заходом в Канву лучше не пить, не есть.

– Может, и наведишь нас...

– Ворона, блин, – говорю я, хмуря брови. – Не каркай.

Кошусь на часы. Ну что же, пора в койку. Обняв напоследок Женю, иду в свою комнатушку.

– Покажи там всем! – кричит вслед подруга.

– Передам зверью привет от тебя! Проследи, чтобы не зашёл никто...

– А ты дверь запри, – советует Женя. – Так оно надёжней. И верно. Чего это я?

* * *

Устраиваюсь на кровати. Закрываю глаза.

Вход в Канву – сложнее, чем выход из неё. Родиться куда трудней, чем умереть.

Это похоже на то, как древние ныряльщики, обвязавшись верёвкой, сигали с борта корабля за жемчугом, в беспокойное море. Так же и я, успокоив броуновское движение мыслей в голове, беру в ладонь воображаемый поплавок. Разбегаюсь, прыгаю в черноту.

Тьма – и ничего кроме неё. Затем далеко впереди появляется свет. Приглушенные цвета, звуки. Это зарождается тело. Вот я приближаюсь, уже вижу блики воды, волны – тело появилось в Канве, готово принять меня.

Так мы и живём. Заново рождаясь при каждом заходе. И частично погибая при выходе. Ведь то, иллюзорное тело, без

поддержки сознания тает, как сахар в стакане с горячей водой.

Вытягиваю руки – воды Канвы принимают меня. В последний момент оборачиваюсь: проверяю, остался ли поплавок у поверхности. Конечно, остался. Та же леска, тот же буйёк. И непроглядная тьма за гранью, где кончается иллюзорный мир.

Привычно делаю вдох. Вместо воды лёгкие наполняются воздухом. Подобно тайфуну обрушивается на меня Канва, вместе с ночным холодом, шумом леса, запахом сырой земли, и немножко – тлена. Перед уходом надо было убрать волчий костяк. Иллюзорщик всегда заходит там, где вышел. Если не погиб, конечно.

Открываю глаза, блаженно улыбаясь.

Ну, вот и всё. Теперь Земля для меня – мираж. А жизнь – здесь, и больше нигде. Пора за работу!

Глава 1, часть вторая

Умирать не страшно. Страшно, когда не за что умирать.

Из блога Ткача

Разнепогодилось.

Крыша из еловых лап задерживает хлещущий стеной дождь, но нам хватает и этого. Пахнет свежестью, влажной хвоей, землёй. Мы уже который час бредём через ночной лес, освещая путь факелами.

Чудесная картина: из темноты выныривают стволы в шершавой коре, за ними – темнота. Ощущение, словно бредёшь по сказочному подземному лесу.

Местность пошла под уклон, идти стало заметно легче. Мы скользим меж исполинских камней, выбирая где посуше. Лес поредел, и теперь мы можем в полной мере ощутить буйство стихии. Накидываю на голову капюшон – за воротом уже сыро.

– Как шпарит-то! – кричит позади меня Дан. Шум от льющейся с неба воды такой, что уши закладывает.

– Добрая примета, – отвечаю ему.

Ну да, примета, может, и добрая, но плетущимся в хвосте новичкам не до веселья. Хомяк то и дело оступается, один раз даже умудрился плюхнуться на бок, в узкую расселину

меж камнями. Анне ещё хуже, она бредёт самой последней. Мало того, что ей приходится поднимать брата, сказывается отсутствие подготовки. Нет, с физической формой у неё всё в порядке. Видно, следит за собой на Земле.

Всем новеньким, решившим заняться нелёгким делом бродяжничества, мы сразу говорим: на родине хотя бы с утра круги вокруг дома нарежай. Тело, живущее здесь, во многом копируется с тела, оставшегося на кровати.

Но вот опыта скаканья по здешним лесам возможно набраться лишь в Канве. У меня и Данила его – хоть отбавляй. А Хомяк с Аней так далеко заходят в первый раз.

Вскидываю руку, останавливаюсь. Дан едва не сбивает меня с ног – в темноте прозевал условный знак.

Друг отплёвывается от льющей в глаза и рот воды. Куртка на нём хорошая, непромокаемая. А вот с капюшоном он прогадал.

– Чего? – спрашивает.

Факелы от дождя погасли. Почти синхронно отбрасываем в сторону бесполезные деревяшки. Благо Анна догадалась выпустить из баночки знакомых светляков. Удивительное дело: дождь им как будто нипочём. Кружат над головами, даря зеленоватый свет.

– Кому-то из нас надо в хвост, – говорю я. – Мало ли что.

– Хорошо, – кивает Дан. – Я пойду. Давно уже собирался. Всё равно компас у тебя.

Машу рукой, мол – иди. Данил, цепляясь за влажные кор-

ни, пробивающиеся через камни, карабкается выше. Пользуясь случаем, достаю компас. Один мул, ещё до знакомства с Даном, протащил его сюда. Я выкупил. Не жалею до сих пор. Штука незаменимая, хоть его стрелка никогда не покажет где юг, и где север. Зато после настройки, здорово ударившей по кошельку, он с небольшой погрешностью указывает, где залегает место силы.

Говорят, есть вещи точнее, но хорошему старателю они не нужны. Когда Чудо рядом – мы слышим его. А если ко всему этому ты возьмёшь у Лобастых наводку – никогда не окажешься в накладе.

Мы так и сделали. На пару с Данилом скинулись, нам показали точку на карте. Для группы прях вызнать, где в основе пролёг зазор – именно через него и зарождается место силы – нехитрое дело. Информацию потом сбывают старателям. За большие деньги, между прочим.

В этот раз нам дважды повезло: местность оказалась более-менее знакомая. И нашлась подходящая компания. Элементалист и пряха-одиночка. Мы договорились, что за добытое на охоте чудо денег новички не получают. Зато общий куш, когда доберёмся до места – поровну.

Дождь понемногу начинает стихать. Крепкий ветер несёт редкие капли, забирается под куртку – зябко!

Плотная занавесь туч рассеивается, обнажая звёздный купол неба. Местность залита бледным лунным светом. Я отчётливо вижу пролегающую внизу долину.

Почти на месте.

Воодушевлённый, ускоряю шаг. Жужжащие светляки не поспевают за мной – я самонадеянно полагаюсь на опыт и неверный лунный свет. Зря. Видно, всё-таки мне многому ещё нужно учиться. В какой-то момент я поставил ногу неправильно, не туда. Подошва скользит, ступня опасно подгибается. Бросаюсь всем телом вбок, чтобы зацепиться. Тело ударяется о камень так, что зубы клацают, пальцы бесполезно скользят по грязи. Я, как на зимней горке, лечу вниз, пытаюсь ухватиться за корни, но те слишком скользкие, утекают из влажных перепачканных ладоней.

Удар, за ним второй – качусь кубарем. Небо и земля несколько раз меняются местами, болезненная круговерть прекращается.

Осторожно сажусь, проверяю, целы ли руки-ноги. Вроде всё в порядке.

Сломать кость – дело скверное. Это не губу рассадить, здесь потребуются дни лечения. Многим кажется, что вернутся они в родное тело – и все болячки мигом исчезнут. Как бы не так! Достанется и тебе другому, на Земле.

Как-то раз мне заехали прикладом арбалета по левой щеке. Махом выплюнул два зуба. Так вот, дома, когда проснулся, первое что увидел – залитую кровью подушку. На следующий день ни с того ни с сего выпали зубы. Как раз те, куда пришёлся удар.

У земного меня на лице, возле переносицы, можно заме-

тить бледный шрамик. Знакомые гадали: где это я так лицо располосовал. Это подарок от летуна, зацепил когтями. Тут, конечно, пришлось куда хуже. Но рана частично срикошетила и в родной мир. Проявилась спустя месяц, уже зарубцевавшимся шрамом.

Если ты полностью отдаёшься Канве, забываешь о мире Земном – беспокоиться о ранах не стоит. Абсолютные иллюзорщики в глазах мира отрекаются от родины. Потому таких бед они не переживают.

Но это не мой путь. Лучше уж терпеть, чем превратиться в абсолютника. Не умираем – и на том спасибо.

Поднимаюсь на ноги. Кожа на левой руке свезена до крови. Это ерунда. Если получу хотя бы вывих, поход можно смело сворачивать. Без старателя золота не добудешь.

Осматриваюсь: ущелье, с журчащей неподалёку речкой. Её отсюда не видно за хилыми кустами ивняка. Докатился, можно сказать, до нужного места. С ветерком!

Под ноги мне сыплются мелкие камушки, следом за ними прыгивает на землю Данил. Под сапогами жалобно скрипит галька.

– Цел? – спрашивает.

– А то.

Секундами позже к нам присоединяются новички.

– Ты нас перепугал, – шепчет, округляя глаза, Хомяк. – Иду, значит, вижу твою спину, и тут, бац – грохот, почти лавина, и ты исчезаешь...

– Да это нормально, – усмехается Дан. – Просто у него сегодня падучая.

Аня отворачивается, пряча улыбку. Хома откровенно прыскает в кулак.

– Иди ты, – беззлобно говорю я.

Проверяю компас: цел ли? Слава Богу, цел. Стрелка дрожит, указывая левее того места, где мы стоим. Теперь нужно искать проходы к пещере. Я почти уверен, что чудо залегает именно там. На поверхности его редко встретишь. Да и местность располагает. К тому же горы здесь обжиты фриками. Эти ребята, из абсолютных иллюзорщиков, без мест силы жизни не видят. Лезут к ним будто муравьи на мёд. Наверняка прокопали удобные проходы.

Как выкуривать их оттуда – будем думать позже. С фриком справиться проще, чем с рядовым иллюзорщиком. Ирония судьбы: по возможности отказавшиеся от земли приближаются к обычникам. Разве что некоторые оставляют за собой некоторые способности. Например – элементалистов. Отсюда и норы.

– Так, – говорю, – идём за мной. Компас не бесится, значит «грибы» совсем рядом.

Уверенным шагомдвигаюсь вперёд:

– Это я называю удачно приземлиться.

Робкие смешки. Улыбаюсь и я. Но серьёзным тоном говорю:

– Тише, черти. Мы не одни тут.

– Ну, тогда похромали в тишине и напряжённости, – это уже Аня.

Дружный гогот.

Оборачиваюсь, чтобы отвесить что-нибудь едкое, но тут, со стороны реки, через плеск волн слышу звериное ворчание. Неуверенное, сонное. Испуганно замираем на месте. Анна взмахом руки гасит свет. Светляки послушно опускаются на землю.

Поздно. Раньше надо было думать.

Над кустами поднимается, вырванная из темноты лунным светом, могучая фигура. Колосс в три человеческих роста. Широченные плечи, мощные, короткие ноги. Мне знаком этот силуэт.

– В стороны! Быстро!

Я мчусь левее монстра. Ребята дружно рванули направо. Падаю на землю, замираю, держа зверя в поле зрения. Гигант недовольно рычит: ветер уверенно держит направление от него. Не может учуять. Зато я чувствую едкий запах свалявшейся шерсти.

Зверь вскидывает к небу лапы – почти человеческий жест. Как нелепо он смотрится в исполнении гротескного создания. С когтей его срываются шарики призрачного света. Секунду они висят в метре от земли, а затем начинают движение. Забавно: выглядит, словно фосфорный мяч катится по воздуху. Шары ловко минуют ивняк, движутся к тому месту, где совсем недавно стояли мы.

Естественно, ничего не находят.

Тогда зверь снова разводит лапами. «Фонарики» разделяются. Одни ползут в сторону затаившихся ребят, другие – в мою. Щурясь, просчитываю траекторию движения. Упираюсь локтями, отползаю в сторону.

Шары проплывают всего в трёх метрах от меня. Тот, что ближе, ныряет в кусты, услужливо прибавляет света.

Показывай-показывай. Всё равно ничего не найдёшь.

Второй фонарь уплывает дальше, к берегу. Отсюда вижу, как бликуют волны.

Победно ухмыляюсь. Нашего брата не проведёшь на мякине. Камнееды – твари могучие. Как и многие из ночных жителей Канвы, они имеют доступ к утку и основе. Даже больший, чем иллюзорники. Этим активно пользуются.

Для бродяги неопытного встретиться с камнеедом – верная смерть. Не справиться человеку с исполинским медведем. Не смотри, что у него короткие ноги. Двигается он для такой туши резво. И не устаёт. Плюс острые когти на лапах: попадёшь под удар, долго в Канву не войдёшь. Если прибавить ко всему, что днём зверь впадает в спячку, и напороться на него можно только в темноте – всё встаёт на свои места.

Но бродяга наблюдательный уйдёт от него без труда. Во-первых, камнеед неспособен чисто физически дотянуться передними лапами до земли. Однако не стоит валяться под ногами – затопчет. Во-вторых, по несоразмерно малой голове становится понятно, что умишком зверь обделён. Но, с

другой стороны, инстинкты у него – ой-ёй как развиты.

В общем, при хорошей смекалке можно спрятаться, переждать, пока гигант успокоится. А уж если знать все фокусы, на которые он способен – так, считай, никакой опасности.

Улыбаюсь. Для меня опасность миновала. Жду, что сейчас камнеед вернётся к лежбищу, и мы отползём на безопасное расстояние.

Над рекой проносится грозный победный рык.

Ох, рановато я расслабился!

Галька под ногами дрожит от тяжёлой поступи. Зверь поворачивается ко мне спиной, не спеша, вразвалочку идёт к ребятам. Ну не олухи, а?

Мимо меня на бешеной скорости проносятся шары света, спешат к хозяину. Я, не обращая на них внимания, мчусь следом. На ходу достаю нужный камушек. Как знал, что пригодится.

Перескакиваю через корягу, кладу снаряд в ложе. Камнеед топает далеко впереди – по скорости он ничуть не уступает человеку. Замечаю полянку света, отвоёванную у темноты «фонариками». Там пусто. Ну, ничего, может, ещё обойдётся.

Поспешно ныряю в ивовые заросли. Вовремя – гигант озадаченно разворачивается на месте, высматривая ускользнувшую жертву. Шары света кружат у его мохнатых ног, ожидая приказа. Так, по сценарию, сейчас он снова разошлёт «фонари» в стороны. Только в этот раз прятаться мне куда слож-

нее. Слишком близко подобрался.

Держу рогатку наготове.

В ночной тишине разносится тяжёлое дыхание камнееда. Ветер сухо шелестит ветвями кустарника. Зверь поднимает лапу, готовясь запустить «фонари» к моему укрытию...

Из темноты бесшумно вылетает ледяная игла. Сосулька проносится над моей головой, с треском ударяет в звериную грудь.

Разлетается мелким крошевом.

Чёртов Хомяк! Чем думал Данил, подпуская элементариста к реке?!

Нет, никакому стихийнику не взять камнееда. Его шкуру не пробьёшь ни стрелой, ни железом. Не плавит её и огонь. Так и не мудрено: даже самый распоследний дурак поймёт из прозвища, что зверь этот жрёт камни! В буквальном смысле! Разрывает когтями землю на склонах, добирается до породы, вгрызается в неё зубами. Иногда, ночами, за много километров можно услышать питающегося камнееда. После сытного ужина он укладывается спать, на пару часов. Затем снова за работу. И от этого рациона приобретает по всему телу пластины-наросты.

Воистину, ты – то, что ты ешь.

Да, для обычника с Земли подобные рассуждения прозвучат глупо. Смешно. У Канвы свои законы мироустройства. Хочешь смеяться, хочешь нет, но здесь обитают удивительные до нелепости твари.

Сколько ни бей по камнееду жаром, или холодом, его не убить. Хочешь сшить куртку из его шкуры – жди, пока умрёт от старости. В лесу, даже близ обжитых мест, можно наткнуться на поросшие мхом исполинские кости...

В бронированную грудь зверя ударяется ещё одно ледяное копьё. На этот раз поменьше. Камнеед с рёвом несётся прямо на меня. На мгновение замираю. Страх сковывает по рукам и ногам, ни вздохнуть, ни двинуться.

Вы когда-нибудь видели несущийся на вас поезд? Или разъярённого слона? Я, считай, увидел.

Инстинкт вопит: «беги! Беги с дороги, дурень!». Да, всё верно, нужно уносить ноги, но я решаюсь рискнуть. Натягиваю резинку рогатки, секунду целюсь в голову зверя. Стреляю.

Снаряд проносится мимо. Где-то за спиной камнееда вспыхивает и тут же гаснет маленькое солнце.

Только сейчас, когда гигант совсем близко, понимаю, что допустил ошибку. Фатальную. Я перекатываюсь в сторону. На полусогнутых ломлюсь через кусты. Чувствую, как дрожит под ногами земля, спину обдаёт градом из гальки. Это зверь попытался раздавить возможного обидчика.

Бегу по-заячьи, мечусь из стороны в сторону, понимая, что камнеед совсем рядом. Почти физически чувствую, как свистят в опасной близости когти-бритвы. Полоса ивняка обрывается, отпрыгиваю, предугадывая удар.

Может быть, всё бы обошлось, не попадись мне под но-

ги камнеедов «фонарь» На мгновение слепну. Всего-то доля секунды промедления, маленькая крупинка... хватает и этого. Рёв, оглушающий, почти в самое ухо. Свист когтей – зверь махом срезает лямку рюкзака с плеча, рассекает кожу куртки. Ещё один взмах – на этот раз исполин бьёт по самому рюкзаку.

Речная галька уходит из под ног, мир вокруг проносится с бешеной скоростью. Недолгий полёт – земля преобольно бьёт по рёбрам, скользит подо мной. Наконец, прошуршав по камням шагов пять, моё тело замирает.

При каждом вдохе в груди – тупая боль. Но на этот счёт я не сильно беспокоюсь. Куртка у меня не простая, должна защитить от такой оказии. Ещё бы и ноги так защитить. Пошатываясь, встаю, продолжаю бежать.

Камнеед ревёт где-то в стороне – позволяю себе отдохнуть. Самую малость.

Окидываю поле боя слегка ошалелым взглядом. Зверь рыщет по кустам, рвёт когтями ветви. Ребят не видно – слава Богу. Меня тварь случайно отбросила к пляжу.

В голове стучит кровь. Опускаю глаза – удивительное дело, я не выпустил рогатки из рук.

Дрожащими пальцами лезу в карман, очередной снаряд готов к бою.

Выстрел. Разумеется, промахиваюсь. Ярчайшая вспышка у самых ног камнееда. Зверь в ярости. Его можно понять. Для него солнечный свет – первый враг. Всё равно что чело-

веку прыснуть в лицо перцовым баллончиком. Вообще, это применимо ко всем ночным обитателям Канвы. Поэтому в каждый поход я беру с собой снаряды, запровленные солнечным светом.

Пряхи частенько коротают дни, набирая в камни нити, из которых соткан окружающий мир. Здесь тебе и дождь, и огонь. Иногда – самые настоящие молнии. Такую я израсходовал на красного волка. Солнечные камушки дешёвы, ведь свет повсюду, и собрать его может даже бездарная пряха.

Ноги слушаются с трудом, но я подбираюсь ближе. Сейчас, образина, я тебе всё припомню. Целюсь, тщательно. Выбираю момент, когда камнеед замрёт, принохиваясь. Стреляю.

На этот раз камень ударяет в покрытую костяными пластинами челюсть твари. Успеваю зажмуриться – недолго и самому ослепнуть.

– Знай наших!

Зверь ревёт, беспорядочно молотит лапами ночной воздух. Сквозь вопли слышу голос Данила:

– Фокс! Фокс!!! Сюда! Новички – сюда!

Бегу. В груди щемит, но это ничего, жить можно. Будет пара синяков – пустяки. Пробегая мимо камнееда, не удерживаюсь: всаживаю ещё один снаряд, на этот раз в грудь монстра. Хуже от этого не станет.

Дан ждёт нас у входа в пещеру. Держит наготове факелы. Оба новичка уже здесь. Сидят, спина к спине, на камне. Тяжело дышат. Запыхались, бедненькие.

– Хома, больше так не делай, – говорит Данил строгим тоном. – Ты едва не убил Фокса. Запомни, твари выше чем два метра, человеку не по зубам.

– Вот по зубам было бы неплохо, – задумчиво бормочу я, заглядывая в ворот каменного мешка. Из пещеры тянет сыростью. – Кое-кому. Кое-чем.

Торопиться нам теперь не нужно. Камнеед не скоро придёт в себя.

– Фокс, я не знал...

– Забей. Пустое.

Присаживаюсь рядом с новичками. Завязываю порванную ручку. Рюкзак испорчен – жалко. И бурдюк с водой теперь бесполезен. А ведь хорошая вещь – вода в нём всегда прохладная... была.

– Ты сегодня везучий, – говорит Дан. – Уцелеть после такого...

Молча перекладываю вещи так, чтобы не вылетели в прорехи. Вздыхаю. Хлеб размочило, теперь выбрасывать...

– Всё-таки здорово ты ему... засветил, – говорит Хомяк.

– Он мне тоже ничего так оплеуху отвесил, – отвечаю.

После минутного отдыха поднимаемся. Своды пещеры смыкаются над нашими головами. Цветки огня, трепещущие на просмоленных тряпках факелов, выхватывают из темноты нервные, испещрённые следами от когтей, стены. Пол под ногами – угловатый камень. Приходится тщательно следить, куда ставишь ногу. Двигаемся медленно, осторожно, растянувшись цепью.

Тщательно рассматриваю потолок. Потёков нет, да и, судя по всему, нору камнеед вырыл совсем недавно. Не больше трёх-четырёх лет назад. Стрелка компаса уверенно показывает вглубь пещеры. Значит, зверь тут поселился не просто так. Скорее всего, фрики подманили его, чтобы обеспечить святыне охрану. Надёжную, надо признать.

Если учитывать, что ночь в Канве длится полторы недели, а день – чуть больше, всё становится понятно. Хотя, будь место силы постарше, фрики окопались бы здесь надёжнее. И охраны заманили бы побольше.

Но даже сейчас рубеж обороны неплохой. Глубокое ущелье в скалах, окружённое дремучим лесом. Камнеед возле одного из входов... сильно. Куш нам предстоит неплохой.

– Это не парадный вход, – тихо произношу я. – Слава Богу.

Анна, осторожно переступающая через камни слева от меня, удивлённо поворачивает голову:

– Почему ты так решил?

– Будь он главным, нас бы уже нашпиговали чем-нибудь

острым. Это, скорее всего, чёрный вход. На случай, если кто-то из другого фриковского племени вдруг решит отбить святыню, и одержит победу.

Девушка удивлённо вскидывает брови:

– Так они ещё и воюют между собой?

– Ещё как. Нам всем бы пришлось худо, будь по-другому.

Нора камнееда показалась мне гигантским брошенным муравейником. Десяток ходов, мелких, куда не протиснется не только туша зверя – даже человек. Ответвления побольше, крепкие, удобные, но кончающиеся тупиком. Хомяк по несколько раз проверял узор камня, пытался его расплести, выявить потайную дверь. Только через два часа мы, наконец, наткнулись на залитый тоннель, ведущий вниз.

Зажигаем свежие факелы, идём осторожно, по колено в ледяной воде. Хома сумел застопорить сбивающий с ног поток. На стены, низкий потолок, от воды ложатся яркие блики. Я не слышу своего тяжёлого дыхания, потрескивания огня за громким плеском.

Холодно до дрожи в зубах, но мы держимся. С элементаристом просушить одежду – плёвое дело.

– Как думаете, здесь есть какая-нибудь живность? – вдруг спрашивает Хомяк.

– Конечно, – отзывается Данил. – Прямо косяки пираний, хищные водоросли, пиявки-переростки...

Улыбаюсь. Шутки-шутками, но чёрт его знает, что водится в подземных реках.

– Тогда может мне воду вскипятить? – смеётся Хома. – Сразу всё и передохнет.

– Отличная мысль, – говорю, – прямо гениальная. Всегда хотел узнать, что чувствует рак, когда его в кастрюлю...

Договорить не успеваю. Нога пребольно задевает что-то твёрдое, я едва с размаху не плюхаюсь в воду – успеваю ухватиться за стену. Негромко ворчу, продолжаю движение. От шагов вода стала мутной, ничего не видно. Мало ли здесь камней? Это пещера, в конце концов.

– Мамочки! А-а-а! – раздаётся девичий визг за спиной.

– А-а-а!

– И-и-и-и!

Резко поворачиваюсь, тащу из-за пояса нож. Данил уже вооружился топором, жмётся к стене, чтобы и я мог подойти. Подхожу.

– А-а-а...

Из мути медленно поднимается человеческая фигура. Голый костяк, с висящими меж рёбер лоскутами водорослей. Та же растительность на черепе, висит намоченной тряпкой, смахивая на нелепый парик.

– Хома, заткнись, – устало говорю я.

С костей капает вода. Кажется, что скелет находится в постоянном движении: суставы парят на небольшом расстоянии друг от друга, покачиваются, в такт плещущейся воде. Нижняя челюсть гуляет влево-вправо, со скрежетом трётся зубами.

Мертвец осматривает сначала новичков, а затем поворачивается к нам. Из чёрных провалов глазниц на меня тащится тьма. Скелет стоит, безучастный ко всему, молча созерцает нарушителей вечного покоя. Подношу к оскаленной морде факел. Ага, вот и причина смерти: правый висок проломлен, из него тонкими струйками сочится вода, впере-мешку с грязью.

Мертвец поднимает костлявую руку, отталкивает от себя дровко факела. Его раздражает чужая стихия. За годы, проведённые здесь, слился с водой и холодом. Я, улыбаясь, начинаю играть с мертвецом: подношу огонь, и когда покойник пытается отодвинуть факел, отдёргиваю в сторону.

– Фокс, – укоризненно вздыхает Данил. – Нехорошо как-то...

– Не зуди, занудь. Должны быть минуты счастья в угрюмой старательской жизни.

Дан с размаху, тупым концом топора, бьёт по черепу скелета. Покойник вздрагивает, осыпается в мутную воду кучей бесполезных костей. Ага, значит, мой друг успел заглянуть к пряхам, наложил на оружие какие-то интересные нити. Дальновидно!

– Счастье было мимолётным, – вздыхаю я.

– Юмор у тебя, – бурчит Данил. – Играться со страхолюдинами.

– По-моему он был очень мил, – негромко произносит Хомяк. Аня согласно кивает.

– Какого лешего тогда вы орали? – искренне удивляюсь.

– Я думал, это пиявка...

* * *

Сидим на берегу подземного озерца. Хома осторожно, чтобы не поджечь, сушит разложенные на валуне вещи.

Задумчиво смотрю на спокойные, чистые до прозрачности воды. Слежу взглядом за игрой бликов на потолке. Слушаю перестук капель. Красиво здесь. Ловлю себя на мысли, что не хочу поворачивать головы. Не то, чтобы я стеснялся чужой наготы... вот своей – да.

– Дан, – говорит Хомяк. – А тот скелет может означать, что где-то поблизости поселился курганник?

– Это к Фоксу, – отзывается друг. – Он у нас по фауне спец. Что скажешь?

Приходится повернуться. Некрасиво сидеть к собеседнику спиной.

Аня вольготно расположилась на камнях. Под самым потолком ярко светит небольшой, с горошину, шарик. Лучи его, на манер карманного фонарика, направлены на девушку. Так, что нам остаются лишь небольшие отсветы. Невольно любуюсь молодым красивым телом. А ведь и правда, девушка следит за собой. Тщательно.

Анна замечает мой взгляд, улыбается. Она уже предлагала позагорать под «солярием». Интересная штука – запертое

в хрустале солнце. Может освещать дом, но девушки предпочитают использовать его как удобное средство для приобретения модного загара.

Я отворачиваюсь. Невольно поправляю тряпочку, лежащую на ногах.

– Фо-окс! – настойчиво окликает меня Дан. – Оторвись на минуту, поделись с нами старательской мудростью! Сейчас моя очередь подглядывать.

– Нет, – говорю, – это не курган. И некров здесь быть не может.

– Почему? Климат не тот?

– Нет, климат подходит. Материала под рукой нет. Курганы подтягиваются к плохим местам силы. Или селятся на старых кладбищах фриков. Будь здесь курганник, мы бы давно заметили шатающихся поблизости марионеток. К тому же курган не различает покойников по виду. Стряпает слуг из всего подряд. Даже крепкие ветки лепит к костям. А некр... о, мы бы так рядом с ним не загорали.

Ответ, на мой взгляд, я дал исчерпывающий. Но Хомяк не унимается:

– Тогда откуда тут взялся скелет? Это бродяга?

– Нет, это фрик. Из местных. Ты не обратил внимания, какой у него скошенный лоб? И массивная челюсть? Видно, наш недавний знакомец при жизни решил срезать путь к Чуду, попёрся по этому ходу. Поскользнулся, разбил голову. Я чувю, что внутри камней есть нити чуда. Они то натягивают-

ся, то обрываются. Постоянно. Видно, ниточка пролегла как раз через тоннель. Покойник был молодым, амбициозным. Вот и воскрес. Чудо не разбирает, кому помочь – живому или мёртвому.

– И ведь не напал на нас.

– Конечно! С чего ему нападать? Он пропитан благим чудом. Если хочешь, этот скелет был воплощением добра. В некотором роде. А Дан его прибил.

Данил насмешливо фырчит:

– Чья бы корова мычала!

– Ну, хотя бы не стал его Чудо прясти, – улыбаюсь.

– Почему? – удивляется Хомяк.

Очень хорошо. Парень не делит мир на белое и чёрное. Абстрагируется от Канвы. Видел я ребят, что порицают старателей. Мол, мы убиваем в мире чистое и непорочное. Они плохо кончили: подались во фрики.

– Потому что Фокс – добрый старатель, – мило улыбается Аня.

Ухмыляюсь:

– Потому что с него максимум можно выпрясть некачественное железо.

– Искренний, – поддакивает Анне Данил.

– Угу, и непорочный. Агнец божий.

Поднимаюсь. Повернувшись к группе спиной, натягиваю тёплую сухую одежду. Застёгиваю пряжку ремня, надеваю свитер, поверх него ложится куртка. Утепился – потому что

знал, куда шёл. Плюс ночью, ближе к середине, часто выпадет снег.

– Пора, – говорю.

Хомяк согласно кивает. Дан, бросив на Аню виноватый взгляд, разводит руками. Мол, что поделывать, если в группу затесалась такая зануда? Анна поводит плечиком. «Соларий» ярко вспыхивает, гаснет. Загорелая кожа девушки в этот момент кажется вовсе бронзовой. На камни падает бесполезный теперь кусочек хрустала.

Зашнуровываю сапоги. Нарочито долго, чтобы ребята успели собраться.

Идём дальше. Огонёк Ани давал хоть немного тепла. Теперь же пещерный холод навалился морозной тяжестью. Пуская ртами дышки, ищем продолжение хода. По счастью, долго рыскать не пришлось. За решёткой толстых, смахивающих на оплывшие свечи, сосулук – ведущий вглубь, ниже, проход.

– Наверное, я пойду, – говорю. – Ждите здесь.

– Добро, – отвечает Дан.

Я, со своим сложением, хотя бы не застряну. Вернее бы пустить Хомяка, но, боюсь, новичок при случае устроит нам цирк с конями. Долго будем потом разгребать.

Сбрасываю с плеч рюкзак. Вешаю на пояс, ближе к спине, дубинку, обвязанную нитью низких температур. Нить я не вижу, но стоит поднести ладонь чуть выше ручки, сразу становится понятно, что прикосновение к дереву сулит непри-

ятное. Потому-то я и держу её сзади, чтобы ненароком не прижаться телом.

Заряжала палку, к слову, Анна. Посмотрим, чего девушка стоит как пряха.

Протискиваюсь меж ледяных колонн. Ныряю в черноту лаза. Возле уха жужжит, давая немного света, Анин светляк. Поначалу тоннель казался довольно просторным – достаточно пригнуться. Затем потолок начал снижаться, и вскоре пришлось двигаться ползком.

Я не заметил, как пол подо мной начал идти под уклон. Опомнился, когда пальцы обжёг лёд. Он намёрз со всех сторон. Решаю вернуться: слишком рискованно.

Едва начинаю разворачиваться, как чувствую, что тело скользит. Лихорадочно цепляюсь за выступы, но куда там! Я набираю скорость, лечу, как с горки. Что за день-то такой!

Сжимая зубы, пытаюсь повернуться так, чтобы выставить вперёд ноги. Нет бы нож выхватить, попробовать затормозить...

Светляк где-то позади, я качусь в полной темноте.

Лаз кончается внезапно: чернота уступает место неяркому свету. Мгновение невесомости, тело ударяется о что-то твёрдое.

– М-мать...

Поднимаю голову. Надо мной – широкоплечая фигура. Крепкое тело закутано в серые шкуры. Пальцы сжимают рукоять топора. На вытянутой, почти бабуиньей морде – край-

няя степень удивления. Фрик, похоже, от подобного поворота событий потерял дар речи.

Подстёгнутый адреналином, выхватываю дубинку. Резко тычу зверчеловеку в промежность. Враг, до конца не веря в подобную наглость, вскидывает над головой топор. Перекачиваюсь в сторону, готовясь отразить удар. Но этого не требуется. Мышцы фрика начинают замерзать, движения становятся замедленными. Он делает навстречу мне шаг, да так и застывает, занеся оружие над головой.

Я раскрываю рот, чтобы бросить противнику что-нибудь колко-язвительное. Совсем рядом с лицом проносится каменное лезвие топора. Отпрыгиваю в сторону, держа дубину наготове.

Изрыгая самые чёрные ругательства, на меня надвигается второй фрик. Угрожающе лая, он бестолково машет оружием перед лицом.

О, как хорошо, что я не понимаю их придуманного языка!

Мы замираем друг напротив друга, чуть согнув ноги в коленях. Противник довольно скалится, шепчет что-то, поигрывая топором. Понимает, что я на голову ниже, *уже* в плечах. Такому заломать меня – как прутик переломить. Фрик ударяет наотмашь, я легко парирую. Повезло, что противник попался молодой, горячий. Сила есть, сноровки не хватает.

Ухожу от второго удара, зубастый на этот раз бьёт снизу-вверх. Прыгаю на врага, с наскока бью дубиной по тёмному покату лбу. Враг отпрыгивает, трясёт головой.

Эх, невезуха, ещё бы немного подержать, и нить оплела бы тело. Фрик секунду смотрит, гневно раздувая узкие, почти змеиные ноздри. Затем бесшумно, с животной яростью, атакует. Бьёт обухом. Видно, решил, что палка моя разряжена, и теперь есть шанс взять иллюзорщика живьём. Чтобы вдоволь поиздеваться. Ведь под пытками домой я нырнуть не смогу...

Несусь ему навстречу. Предплечьем правой руки отбиваю неуклюжую атаку. Кулак левой хуком летит фрику в челюсть. Кисть сводит болью. Враг моего удара даже не замечает. Немудрено, с такими-то костями.

Я всего на мгновение расслабляюсь, и противник этим пользуется. Лбом бьёт в лицо, да так, что из глаз летят искры. Кровь хлещет на глаза, я вслепую машу дубиной, и в тот момент, когда рукавом удаётся смахнуть помеху, чувствую, что оружие перехватили.

Удивлённо смотрю, как фрик, скаля зубы в улыбке, выворачивает мою руку, замершую на рукояти. Боже, ну как можно быть таким болваном?..

Послушно выпускаю оружие из рук.

Враг, так же победно ухмыляясь, делает движение, собираясь выкинуть дубину, но... Мы оба смотрим на примёрзшее к ладони дерево. Я – с удивлением, фрик – с ужасом. Что-то проговорив, он выпускает топор. Оружие с глухим стуком падает на песок, что устилает дно пещеры.

Я, полный сочувствия, наблюдаю, как фрик пытается сво-

бодной рукой отодрать дубину-морозилку. Куда там! Тепло его начинает деревенеть, кожа покрывается инеем. Ещё немного – и могучий враг обращается замершей в нелепой позе статуей.

Рукой размазываю по лицу кровь. Гадство!

Голова немного кружится, но это ничего, пройдёт. В углу пещерки замечаю шевеление.

Святые угодники! Оказывается, мне повезло приземлиться на третьего фрика. Вон дыра под потолком, из которой, должно быть, я выпал. В камне прорублены ступени. У их подножия барахтается разнесчастный. Удача сегодня не на его стороне: мало того, что обеспечил мягкую посадку иллюзорщику, так ещё и приложился головой о камень.

На смену восторженному удивлению приходит страх. Дубинка-то осталась у второго охранника! Ладонь тянется на пояс, где висит нож. Сейчас главное успеть быстрее, чем очушивается враг, но... я замираю на полушаге.

Мне доводилось стрелять по фрикам из рогатки. Бить зачарованными палками. Но чтобы так, убивать по-настоящему... ещё ни разу. И я, сказать честно, не уверен в успехе.

На спину врага сыплется ледяное крошево. Он медленно приподнимается, встаёт на колени. Взгляд жёлтых глаз, с прорезью вертикальных зрачков, останавливается на мне. Вытянутая звериная морда отражает всю гамму чувств, какую должен испытывать человек, послуживший чужаку спасательным батутом.

Этот фрик в компании явно за старшего. Поверх шкур натянут доспех из костяных пластин. Топор то ли медный, то ли железный – не разобрать. Опираясь на длинный обух, враг пытается встать. По тёмной коже, из крупной раны на голове, струится кровь.

Я оставляю нож на поясе, тянусь к рогатке, понимаю, что мгновения упущены. Сейчас зверочеловек бросится на меня, прижмёт к песку, голыми руками свернёт, как курёнку, шею.

В момент, когда враг уже поднялся на ноги, из дыры в стене вылетает новое тело. Данил всей немаленькой массой обрушивается на голову фрика. Следом летит Хомяк, за ним – Анна.

Ребята, изображая кучу-малу, весело смеются. Толкаются локтями, сучат ногами, пытаются встать. Я молча смотрю на эту картину, сжимая рогатку. Левая рука замерла на полдороге к заветному нагрудному кармашку.

Немыслимо. Невероятно.

Не в чужой храм пришли – на курорт!

Наконец, троица перестаёт брыкаться. Обводят взглядом пещеру. Смотрят то на меня, залитого собственной кровью, то на ледяные статуи.

– Ты прям, – изрекает Данил, – Джек-Потрошитель.

– П-придурки, – говорю, – под ноги смотрите, живо!

Ребята поспешно вскакивают. Дан носком сапога тычет фрика под рёбра. Этого не требуется: видно, что голова у бе-

долаги повёрнута под неестественным углом. Из пасти вывалился мясистый синеватый язык.

– Анька, – выдыхает Хомяк. – Диеты твои...

– Ч-что? – переспрашивает девушка, не в силах оторвать взгляда от распластанного тела.

– ...не работают. Насмерть раздавила...

Анна некоторое время смотрит на труп. На красивом лице играют желваки. Резким движением она отвешивает брату звонкую затрещину.

– Петросян, – вздыхает Данил. – Евгений Ваганович, авторграф дадите?..

– Цирк, – мрачно говорю я. – Как есть цирк. Вы на кой чёрт без сигнала полезли?

– Подумал, что ты вляпался, – отвечает Дан. – Этим приказал сидеть. Но где уж там...

Редко, очень редко непродуманные действия спасают операцию. Чаще – наоборот, срывают её в самом начале. Но нам патологически везёт.

Тишину пещеры нарушает надсадный треск. Мы поворачиваем голову к статуе, сжимающей в руке дубинку-морозилку. Погибшего фрика в ней не узнать. Осталась лишь форма, отдалённо напоминающая худую человеческую фигуру. И наплывы сосулков на руках, ногах, голове. Нить холода выпила из тела жидкость, обратила её в лёд. Почему – не знаю. Всё же Анна в деле канвианской пряжи новичок.

По всей статуе идёт сеть мелких трещин. Затем изваяние

вздрагивает, и с оглушительным грохотом взрывается. Нас обдаёт градом из ледяных осколков.

– Мамочки, – шепчет Анна. Она брезгливо отряхивает себя. Губы дрожат.

Эх, довели девушку.

– Это я его так? – наконец спрашивает она.

– Нет, – ухмыляюсь. Общая волна безбашенного веселья коснулась и меня. – Это он сам себя так. Наверное, творческая натура. Непокойная. Я ему: «дай стукну тебя Анькиной дубинкой». А он мне: «мсье, нет, что вы! Я сам». Вот и результат. Даже мораль есть: излишняя, и не к месту самодеятельность, ведёт к саморазрушению.

Данил смотрит на меня взглядом, полным укоризны:

– Фокси...

– Что? Автограф-сессия на выходе. Идём, впереди ещё много нового и увлекательного.

Бредём в полной темноте. Песок шуршит под ногами.левой рукой держусь за стену, правая сжимает рогатку. Не знаю, насколько хорошо фрики видят в темноте... наверное, не многим лучше иллюзорщиков. Но всё равно жду, что сейчас в тело вопьётся что-то острое.

От этого не по себе.

И ведь не впервой. Много раз так было. Такой же холод, такие же своды. Те же зверолоды – этот вид фриков самый распространённый в Канве. Всё равно, привыкнуть не могу. Ни к оскаленным мордам – и меняют ведь люди нормальный

человеческий облик на... такое! – ни к смерти, что за каждым углом.

Впереди брезжит свет. Слышу за спиной, что команда сбавляет шаг. Я, напротив, чуть присев, двигаюсь быстрее. В этот раз Дан арбалет не взял, так что мне сегодня бить из темноты. Сколько греха на душу...

Замираю на границе меж светом и тьмой. Щурясь, жду, пока глаза привыкнут к освещению. Впереди – тонкий мост, перекинутый через пропасть. На самом краю небольшой костерок. Дым стелется по каменному полу, ныряет, влекомый сквозняком, в темноту, вниз. Рядом с ним дежурит охранник. Молодой фрик опирается на длинное копьё с костяным наконечником. Ветерок, идущий из пропасти, играет перьями, укреплёнными на древке.

Охранник явно скучает. Застоялся. Сонным взглядом смотрит на стены. Затем поворачивается к тоннелю спиной, заглядывает в бездну.

Неосмотрительно!

Не зря Ницше говорил, что не стоит всматриваться в подобные вещи...

Подготовленный заранее снаряд ложится в «седло» рогатки. Резко натягиваю резинку, стреляю. Камушек, обёрнутый той же морозящей нитью, со щелчком бьёт фрика по затылку. Шанс, что единым касанием удастся заморозить противника, мал – на него я не рассчитываю. Рогатка у меня непростая, как у всех старателей, бьёт наповал.

Фрик нелепо вскидывает руки, копьё с деревянным ступком падает ему под ноги. Натягиваю резину ещё раз, чтобы наверняка, но этого не требуется: враг кулём падает за край пропасти.

Я замираю. Жду, что сейчас, с другого конца моста, подоспеет второй охранник. Но света впереди нет. Значит, нет и поста.

Тихонько шикаю, указывая группе, что путь свободен.

Не рискуя подходить к огню, жду, пока ребята подтянутся.

Ну, вот и все в сборе.

Носком ботинка сбрасываю в бездну осиротевшее копьё. Хотя нет, дно там всё-таки есть. До ушей, снизу, доносится едва слышный рокот подземной реки.

– Идём? – шёпотом спрашиваю Данила. – Чувствую, место совсем рядом!

– Идём, – кивает друг.

Почти на ощупь крадёмся по тонкому мостику. Темнота клубится под ногами, манит к себе. Удивительное дело: подошва ступает по гладкому. Ни одного камушка. Подметают они этот мост, что ли?

Наконец встаю на неровный, как на другой стороне, камень. Облегчённо выдыхаю. Далеко впереди виднеются отблески голубого пламени. Для ребят он невидим, для меня – даже слышим. Крупное, богатое месторождение Чуда!

Кошкой скольжу дальше. Вырубленные в породе ступеньки едва слышно постукивают под ногами. Святилище при-

крыто тентом из оленьих шкур. Влекомый Чудом я, забыв об осторожности, отодвигаю его.

В малюсенькой пещерке четверым тесно. У дальней стены, обложенный камнями, бьёт хрустально-чистый родник. Журчание приятно касается слуха. Наверняка вода целебная. Или дарующая удачу. Или ещё что – таланта разбирать Чудо по категориям у меня нет. Как и времени для раздумий.

В глубине родника быстро вращается голубая сфера. Я бесцеремонно спихиваю в воду принесённые фриками дары – какие-то ракушки, сухие цветы, косточки. Окунаю руку, тянусь к самому дну. Кожу прихватывает холодом, но я терплю.

Заинтригованная сфера приближается к моей пятерне. Начинает вращаться. Я делаю движения пальцами – так инстинктивно поступают все старатели, чтобы подманить Чудо. И Чудо отзывается. Из шара, навстречу, вырывается змеиное тело. Треугольная головка впивается зубами в ладонь.

Некоторые Чудеса умеют защищаться. От простых Иллюзорников. Мне ничего не будет – иммунитет.

Я резко вытягиваю руку из воды, набрасываю извивающееся гибкое тело на рога оружия. Змея тут же оборачивается привычной нитью. Начинаю разматывать Чудо, обратившееся теперь обыкновенным клубком.оборот, за ним другой. Уши закладывает от плача, жалоб, стонов.

– Материал, – говорю я. – Скорее!

Место силы оказалось на редкость богатым. За один раз

всё не унесём. Но нам этого и не надо...

У моих ног скапливается приличных размеров горка деревянных монет. Данил не поленился вырезать на них даже наши имена.

Отработанным движением сбрасываю Чудо на монеты. И дерево начинает обращаться сверкающим золотом.

– Вот это да! – шепчет Хомяк.

С половиной клубка я расправляюсь в три захода. Мышцы сводит от холода, чувствую, что уже не смогу взять больше. Да и эту гору надо ещё унести.

– Фокс, – окликает меня Данил. – У нас гости!

Вздрагиваю. Поднимаю взгляд на то место, куда указывает друг. И верно! Как я не заметил второго полога, скрывающего ещё один ход. Оттуда слышно эхо голосов, перестук сапог.

– Золото в мешок!

Мы поспешно закидываем сокровище в рюкзак Дана. Вперемешку с песком и камнями – потом разберёмся.

– Рвём когти! Живо!

Выбегаем из пещерки. Не замечаю, как минуем лестницу. Несёмся по мосту, не обращая внимания на тьму под ногами. То, что за спиной, гораздо страшнее!

Первым на нормальный камень выбирается Хомяк. И умирает так же, первым. Стрела вонзается ему в ключицу. Мальчишка кричит от боли, съёжившись, бьёт ногами об пол. Анна останавливается возле брата. Дурочка! Разве ему

сейчас сможешь...

До спасительного края всего-то три шага. Но я чувствую, что мост под ногами рушится, уходит вниз. Стихийник! А ведь надо было догадаться, что мост рукотворный! В природе таких попросту не существует...

Данил растягивается в прыжке, успевает зацепиться за выступ обрыва. Я ударяюсь грудью рядом с ним.

– Анька! – хрипит Данил.

Стрелы бьют в рюкзак, но не добираются до тела, вязнут, натываясь на золото.

– Воры! Воры! – колышется под сводами русская речь, искажённая расстоянием, нечеловеческими связками.

Правая рука Дана соскальзывает с уступа. Девушка всего-то чуть-чуть не успевает поймать его ладонь. Данил, влекомый тяжестью золота, срывается вниз, исчезает из поля зрения. Аня бросается ко мне, хватая за предплечье. Я отталкиваюсь ногами, силюсь подтянуться. Чувствую, как в спину бьют вражьи стрелы. Нет, простым каменным наколочником зачарованную кожу не пробить. Здесь нужен металл...

А вот и он. Боль пронзает тело. За первым ударом следует второй. Стрела пробивает, кажется, позвоночник.

Над самым ухом – змеиное шипение. Анна вскрикивает, выпускает мою руку. Я последнее мгновение смотрю в её, полные невыносимой боли, голубые глаза.

Разжимаю пальцы.

Бесконечно долгое падение, свист ветра в ушах.
Бездна принимает меня.

Глава 2, часть первая

«Совесть – наш природный враг. Агрессор. Генерал вражеской армии, развязывающий войны в самой глубине души. Этот противник ценнее любого друга. Он толкает нас на путь совершенства»

Из блога Ткача

«На основе любви госпожа Вселенная плетёт уток Судеб»

Автор неизвестен

Предсмертная конвульсия – фантомная, иллюзорная, но такая реальная, заставляет выгнуться дугой. До боли сжать челюсти. Я со стоном переворачиваюсь, падаю на пол. Лежу на ковре, пытаюсь отдышаться, прийти в себя.

Спину пронзили стрелы, они до сих пор торчат из плоти, я чувствую.

Но это кажется. Кажется...

С каждым витком мысли убеждаю себя в этом, выравниваю дыхание. Переворачиваюсь. Через шторы пробивается свет фонарей. Светлыми дорожками ложится на потолок.

Всё хорошо. Я на Земле. Тут нет фриков, нет луков, несущих смерть. Пещеры не было, и быть не могло – это сон, иллюзия, другая жизнь.

Становится заметно легче. Поднимаюсь. Открываю дверь.

Стараясь не шуметь, бреду, держась за стену, к ванной. С кухни доносятся весёлые голоса, звуки гитары. Незнакомые ребята отдыхают. Пора и мне на отдых.

Кафель ванной приятно холодит ступни. До сих пор чудится, что ноги гудят, устали после долгого похода. Сбрасываю на пол одежду. Рука нащупывает ручку смесителя. Впрыгиваю в душевую кабину, под ледяные струи. Морок, навеянный Канвой, снимает окончательно.

Зубы отбивают дробь, включаю горячую воду. От контраста бросает в дрожь. Стою, запрокинув голову, наслаждаюсь благами цивилизации. Нежусь, наверное, долго. Вода стекает по телу, смывая несуществующую грязь, пот, усталость. Уносит её в зев слива.

Как хорошо чувствовать себя живым!

За шумом хлещущих струй не слышу – чувствую, как открывается дверь. Обнажённой спины касается холодок сквозняка.

– Занято, – говорю, проводя ладонью по лицу.

– Я вижу, – раздаётся ироничный Женин голос.

Поворачиваюсь. И только сейчас замечаю, что забыл задёрнуть шторку. Душ старый, у кабинки нет дверцы. Теперь, по моей неосмотрительности, брызги летят на пол.

– Всё вытру, – заверяю я. – Позже...

– Это ерунда, – говорит девушка. – Я по другому поводу. Телефон у тебя на всю квартиру звонит.

Я отчётливо помню, что выключал мобильник. Значит,

торчу здесь долго. Подруга догадалась включить телефон.

– Давай, – говорю я. Не оборачиваясь, протягиваю руку.

В ладонь ложится пластиковая трубка. Воду приходится выключить.

– Да?

– Всё нормально? – раздаётся из динамика голос Данила.

– Как обычно, – отвечаю. Молчим. Не решаюсь спросить, успел ли друг протащить хоть немного добычи.

– Не успел. Не смог выйти.

Я его не виню. Мало кто бы смог.

– Пусть, – вздыхаю. – К чёрту. Как сам? Как ребята, на связь не выходили?

Мне они контактов не давали. Хотя... я и не спрашивал. Рассчитывал на разовый поход. К чему лишний раз светиться?

– Сам нормально. Звонил Ане... сидят, пьют кофе.

Сил удивляться нет. Ну что ж, Дан – человек коммуникабельный. У кого хочешь вытянет номер.

– Новички предлагают встретиться... завтра. Где обычно. Придёшь?

– Так они земляки, – тупо, в пространство изрекаю.

– Угу. Ну как?

– Приду, – говорю обречённо. – Будем думать. А сейчас – отдыхать.

– Добро. Приходи к одиннадцати часам. Утра.

Возвращаю Жене мобильник. Только сейчас, повернув-

шись, соображаю, что стою совершенно голый. Машинально прикрываюсь цветастой шторкой.

– Поздно спохватился, – мстительно говорит подруга. – Покажи спину. Живо.

Делать нечего. Показываю. Девушка удивлённо цокает языком.

– Господи, сплошной синяк! И красные полосы. Чем тебя так... убили?

– Стрелами, – говорю. – Меткие попались. Паразиты. Нахлынувший стыд берет верх над остатками шока. Ну не могу я голышом разгуливать перед людьми, не могу! Какой-нибудь доморощенный психолог наверняка скажет о «застарелом комплексе». Но что делать? Такой уж я есть.

– Ты не могла бы отвернуться, – прошу.
– Не-а, – улыбается девушка. – Дверь, красна девица, закрывать за собой надо.

Натыкаюсь на её взгляд. Ах, вот оно что. Всё понятно. Подруга «подшофе». Ну, а каким ещё может быть человек на тихой гулянке?

Перебарывая стыд, одеваюсь. Выхожу в коридор.
– Там ребята тобой интересуются, – говорит мне в спину Женя. – Посидишь с нами?

Повожу плечом. Как будто выбор есть. Всё одно спать не могу. Не сидеть же в комнате, пока другие веселятся? С другой стороны, портить людям встречу кислой рожей не хочется.

– Посижу.

* * *

Опасался я зря. Компания подобралась не очень-то тесная. С ходу понятно, что ребята знакомы мало. Держатся группками по два человека. Но уже сейчас, под ударами алкоголя, барьеры начинают падать.

Мальчики, девочки. Кто-то старше меня, кто-то младше. По одежде, темам беседы видно – студенты. Человек двенадцать. С трудом помещаются на небольшой кухне. Но ничего, терпят.

Со мной здороваются, знакомятся. Поток имён проходит мимо ушей. К чему запоминать ненужное? Один хек – к утру забуду, как кого зовут.

Попадается мне на глаза и Женин ухажёр. Ничего так, симпатичный. Высокий, смуглый. Но после вялого рукопожатия теряю всякий интерес. Такой человек не про меня. Старательно напяливаю мину дружелюбия, чтобы ненароком не обидеть подругу.

– Как сам?

– Ничего, – говорю. – Живём помаленьку.

– А мы вот о субкультурах говорим. Не подключишься?

Улыбаюсь:

– Оратор из меня так себе. А вот слушатель – самое то.

Дискуссия ведётся уже давно. Тощий патлатый блондин,

в модных очках с тяжёлой оправой доказывает, что выбранная тема – ерунда. Что это лишь «мгновение в становлении личности, и разговор об этом ничего не стоит».

– Как это? – возражает Женин ухажёр. – Здесь мы наблюдаем обычаи, общность интересов. Атрибутику, в конце концов...

– Ребята, – пытается примирить оппонентов подруга. – Вы говорите не о субкультурах, а о микросоциумах. Такое постоянно, на каждом шагу. У слесарей, мотогонщиков...

– Так это же синонимы!

– ...геймерах...

– О! А чем тебе не субкультура?

Патлатый надменно вскидывает бровь.

– Какая тут культура? Ей и не пахнет!

– ...иллюзорщиках...

Гомон утихает. Ребята удивлённо смотрят на девушку.

– Давай о мифах не будем, – просит ухажёр.

– Миф – это субкультуры. Всё, о чём говорим, не более чем клуб по интересам. Советские юннаты – субкультура? Нет? То-то же. А существование иллюзорщиков – доказанный факт.

Смуглый прыскает в кулак. Картинно утирает слёзы, что должны выступить от смеха.

– Кем доказанный? Магистрами белой магии?

– Реальными людьми. Живыми, полноценными личностями. Не «увлеченцами», не «хоббистами». Первооткрывате-

лями других миров, для науки пока недостижимых.

Неожиданно проникаюсь симпатией к патлатому. Закрыть глаза на излишнюю, юношескую агрессию – дело говорит. Хотя нам выгодней оставаться мифом.

– Виктор, – просит подруга, – скажи хоть ты что-нибудь.

Вздыхаю:

– Каждый человек хочет быть особенным. Кто-то носит для этого яркий мейк-ап, кто-то надевает шмотки, уродующие силуэт. Это для тех, кто боится жечь мосты. Находятся горячие головы. Возьмём, например, обычную девочку. Симпатичная, да, но, как ей кажется, нету в ней ничего яркого. Тогда она идёт в тату-салон, выкладывает пачку денег, забивается чернилами. И становится вдруг необыкновенной, особенной.

– Это на всю жизнь.

– Да. Но девушка готова заплатить такую цену за необыкновенность. В глазах узкого круга людей она действительно не такая, как все. Была курица курицей, и вдруг преобразилась. Умнее не стала, красивее... вряд ли. Но узкий круг искренне полагает её «иной», может, лучше, чем остальные жители Земли. Этот круг-то, по-моему и называют субкультурой.

– Сплошной негатив... – говорит Женин ухажёр.

– Не может быть позитива в отношении общества, где люди делятся не на хороших или плохих, правых или виноватых. А на своих и чужих. Знаю, что так было всегда, но уж

извини, парень, такова моя правда.

– А иллюзорщи...

– Сказки, – обрываю его на полуслове.

Некрасиво, конечно. Но лучше на эту тему не говорить.

– Мальчики, что-то душно здесь, – устало говорит Женя.

Сама не рада, что брякнула лишнего. – Идёте в зал?

На кухне и правда нечем дышать. Дым стоит коромыслом.

Так, что даже я, курильщик, не решаюсь достать из пачки сигарету.

Народ удаляется в гостиную. Становится чуть просторнее.

Кое-кто успевает прихватить непочатые бутылки с шампанским, коробки дешёвого вина.

– Будешь? – спрашивает Женя, подсовывая мне картонную упаковку с заманчивым изображением: наполненный алым бокал.

– Нет уж, спасибо, – вздыхаю.

Тянусь к заветному холодильнику. Из-за банок с газировкой вытаскиваю оставленную на такой случай початую бутылку водки. Этикетка старательно сорвана. Ненавижу лейблы. Не спасают они от суррогата. Знаю, что конкретно в этой таре – качественный продукт. Проверено.

Когда кончится – будем дегустировать новое.

Подруга качает головой, но ничего не говорит.

В гостиной действительно лучше. Дальновидно занимаю мягкое кресло, подвигаю к себе журнальный столик. На столешнице – шахматная клетка. Фигуры ожидают своего ча-

са в плену деревянных створок. Рядом со мной, на диване, устраивается Женя с новым другом, две девушки и незнако-
мый парень.

Эти хотя бы молчат. Одна радость.

Разливают по пластиковым стаканам вино, чокаются. Об-
щение перетекает на новый виток: кто-то сидит в обнимку,
кто-то негромко беседует. Женин ухажёр, явно рисуясь, при-
обнимает подругу за талию.

Импонирующий мне патлатый включает музыку. Играет
что-то из «Blackmore Nights». Какой умница! Сам разрядил
обстановку.

Кошусь на увлечённую Евгению. Свинчиваю металличе-
скую пробку с горлышка. Бог в помощь, что называется.
Всем хорошо. И мне неплохо.

– От бед и горьких побед, – говорю ставший родным тост.
Других не признаю.

Краем стаканчика чокаюсь с бутылкой. По горлу льёт-
ся маслянистый огонь. Внутри медленно раскрывается тёп-
лый цветок. Не к ночи помянутые беды отступают, оставляя
лишь чуточку осадка. Сколько такой копоты на душе – не
отскрести.

Зачем нужны были все старания? За что погибла та чет-
вёрка фриков? Ради того, чтобы Данил вместе с награблен-
ным золотом сгинул во тьме пропасти? Бред... люди гибнут
за метал. И ведь гибнут взаправду. Не то, что мы.

Плескаю водки в стакан. Задумчиво смотрю на прозрач-

ный напиток. Что-то я тороплюсь. Вроде некуда...

Замечаю на себе пристальный взгляд. Делаю непростительную глупость – поворачиваю голову. На меня внимательно смотрит одна из девушек. Поспешно встаёт, уходит на кухню. Через минуту возвращается с тарелкой. С одной стороны выложено тонко нарезанное сало, с другой – ржаной хлеб. На столешницу вслед закуске опускается банка с корншонами.

Студентка подкатывает к столику компьютерное кресло – парни, возящиеся у древнего стационарного компьютера Жени послушно отодвигаются. Их спор становится слышен и мне.

– ...семерину сюда? Тупень.

– А я тебе говорю, попробовать можно. Железо-то потянет.

– Ты на параметры глазами смотрел, или чем? Тока инсталлер оно потянет...

Незнакомка в свете торшера кажется симпатичной. Зелёные глаза, длинные русые волосы. Пренебрегает модными стрижками – гуманитарий, наверное. Ничего, наверстает.

Она молча берёт бутылку, наливает себе.

– Почему водка? – спрашивает. Голос у неё приятный. С лёгкой хрипотцой. – Шампунем и Беллой брезгуешь?

– Водка для души, – объясняю.

Стаканчики сталкиваются под мелодичный фолк.

– Душа болит? – спрашивает девушка, отставляя пустой

стакан. Даже не поморщилась. «Добро» – как говорит Дан.

Киваю:

– Болит.

– Смыслишь, – изрекает собутыльница. – Ира. Пусть на завтра только голова будет больной.

– Фокс, – машинально отвечаю. Хмель ударил в голову.

Не мудрено – после такой-то прогулки.

Ира удивлённо вскидывает брови:

– О как! Имя оттуда, откуда и тост?

Старательно делаю вид, что не понимаю, о чём она говорит.

– Это ведь иллюзорщиков присказка, – говорит она. Тянется куда-то за спину, достаёт ещё один стаканчик. Вместе с ним – пачку «Pall Mall». Чиркает зажигалкой, закуривает. Даёт прикурить и мне. Выпускаем дым в потолок, пепел стряхиваем на пластиковое доньшко стаканчика.

Мне сегодня не хочется врать. Не хочется юлить, изворачиваться. Может быть, сказывается усталость. Или алкоголь. В конце концов, кто она такая? Не знает меня, я не знаю её. Почти инкогнито.

– Пусть тост, вместе со мной, будет частью мифологии.

Смеёмся.

– Что ж, герой сказаний. Полагаю, танцевать ты не станешь?

– Уволь.

– Я вернусь.

Задумчиво смотрю на танцующих. В голове – приятная пустота. Красивые движения понемногу оборачиваются мельтешением. Безумным цветным узором, какой, наверное, видят лишь стихийники.

Если крепко выпить, можно ненадолго уснуть. Некоторые этим пользуются, погружаясь в пучину хаоса. И этот путь, из множества других, не мой.

Но только не сегодня.

Ира выполняет обещание. Возвращается ко мне. Довольно улыбаясь, расстёгивает молнию толстовки. Ехидно щурясь, бросает кофточку на диван, к влюблённым. С внутренним удовлетворением отмечаю, что фигурой Бог девушку не обидел. Не худая, и полноты не видно. Так обычно бывает в двадцать лет. Счастливое время. Моё время.

– Убили? – спрашивает она.

– Самую малость.

– Интересная у вас жизнь. Как у агентов. Двойная.

Смеюсь. Да уж, верно подмечено. И кончаем, как они – плохо. Но, если посмотреть с другой стороны, Канва того стоит.

– А я гляжу – красивый вроде парень сидит. Романтично-грустный такой. Дай, думаю, подойду, познакомлюсь...

– Но вот незадача, объект интереса оказался иллюзорщиком, – заканчиваю за неё.

Ира качает головой:

– Разве ж это плохо?

– Это – не для каждого.

Зелёные глаза смеются. Серьёзно, по-взрослому. Мол, разве я похожа на тех, кто выбирает лёгкие пути? В хмельном уме рождается мысль: обычники так не смотрят. Пытаюсь найти в её правильном лице отметинку, хотя бы тень от Канвы. Не нахожу. Снова расслабляюсь.

– Не похожа, – вздыхаю.

– Мысли читаешь? – улыбается Ира. – Или скажешь, что витает в воздухе что-то такое... скажешь, как вот они.

Кивок в сторону развлекающихся ребят.

Пожимаю плечами: думай что хочешь, девочка. Только зря ты сейчас абстрагируешь себя от общества. На Земле мы все в одной лодке. Все равные.

Ты очень умная девушка, Ира. Наверняка талантливая. Сейчас надеваешь маску заражённого Канвой человека. Больного человека. Ради подвернувшегося случая примеряешь наши лохмотья. Только, к счастью, от иллюзорщика в тебе лишь паузы меж реплик.

Расслабленно откидываюсь на спинку кресла. До утра не почувствую давящую тяжесть жизни без сна. И сейчас думать в рамках персонажа с трагической судьбой не стану. Иди ты к чёрту, мир иллюзорный. Провались в ад, откуда выполз.

До утра.

– Давай считать, что это... как его, единение душ, – говорю. – Сплетение судеб и все дела.

– А давай! Я за тем и пришла...

* * *

Канва – не игрушка. Не развлечение для уставших мозгов. Это жизнь. Короткая, мимолётная. Но счастливая. Как иначе: занимаешься любимым делом, тебе за это платят деньги. Что ни день, то риск, новые впечатления. Сказка!

Канва не даёт выбора. Только его иллюзию. Она заманивает, предоставляет массу возможностей. С ходу заявляет: я – не Земля. У меня свои законы. Вот смотри, здесь и здесь мы отличаемся. Тут похожи. За тобой решение, остаться, или... сойти с ума. Не бывает нормальной жизни на два мира. Просто не может быть! Либо повредится рассудок, либо, если ты очень стойкий, в конце концов переманит к себе.

Итог один. Ты станешь фриком, абсолютником. Канва осуществит подмену. Одна жизнь на другую. Никакого бессмертия, потеря человеческого облика (ещё одна ирония Вселенной – нет человеку земному места в мире плетёном). Наша задача этот размен отсрочить.

Я знаю, что будущего у меня нет. Дома – точно. Там – может быть и есть что-то.

Поэтому живу одним днём, беру от жизни всё возможное. В разумных пределах. И голова от этого не болит.

Сейчас она раскалывается по иному поводу.

Открываю глаза. На лицо из окна падают лучи утреннего

солнца. Обычная история, ничего нового. День мне, что ли, мстит за нелюбовь?

На груди посапывает Ира. Обвила руками шею. Замерла в позе «никуда не отпущу».

Хочешь не хочешь, а придётся. Скидываю одеяло, бережно перекладываю голову спящей на подушку. Пусть отдыхает. Пользуется бесценным даром – быть нормальным человеком. Бреду в ванную. Умываюсь холодной водой, привожу себя в порядок. Становится чуть легче.

Вожусь долго. На кухне уже гремят посудой, вкусно пахнет свежесваренным кофе.

Удивительное дело: из «ранних пташек» только Женя да Ира. Разбудил я её всё-таки. А, может, и не спала вовсе, прикидывалась? Нет, бред. Не может быть она иллюзорщиком. Просто талантливая актриса.

– Доброе утро, – говорят мне с порога.

– Утро добрым не бывает, – улыбаюсь в ответ.

– От кофе – бывает. Садись.

Опускаюсь на табурет. Кухня выглядит как после ордынского набега. Ничего, гости проснутся, Женя вооружит их тряпками и мётлами. Что-что, а мотивировать к труду у неё получается на славу.

– Дай угадаю, – спрашивает подруга. – Намылится куда-то?

– Не без этого, – соглашаюсь. Смотрю на часы. Полдесятого. В принципе, успеваю. В университет сегодня не пойду.

Если уж Данил решил увидаться в столь ранний час – тому есть объективные причины. – Важная встреча.

Делаю таинственную мину. Девушки смеются.

– А я-то думала, ты нам поможешь, – вздыхает Женя.

– Потом сочтёмся, – отвечаю. – У тебя нынче целая рота помощников. Я сегодня буду ментально с вами. Моральная поддержка – это же ого-го!

Подруга поворачивается к Ире.

– И так всегда, – говорит. – Ментально – в квартире. Физически только дрыхнет!

Не замечаю, как чашка пустеет.

– Иногда мою посуду, – говорю, поднимаясь. Подруга хитро щурит глаза, предвидя едкий комментарий, добавляю: – Иногда! А сейчас, милые дамы, меня зовёт долг.

– Саянара, – с усмешкой бросает Ира. – Ещё встретимся.

Сердца касается игла тревоги. Странная она всё-таки. Или я становлюсь мнительным?

* * *

Конура – место во всех отношениях приятное. Подобные заведения есть по всей стране. Декорированные в стиле нарочито-простом. Стены обиты досками, на них висят старые жестянки. Здесь же, выстроившись на полочках рядком, стоят пузырьёчки разноцветного стекла. Сюда, как магнитом, тянет всех иллюзорщиков. От простых огородников до масте-

ров плетения.

В какой бы город ты ни приехал, обязательно заглянешь в Конуру.

Кухня у них, кстати, так себе. Зато напитки – закачаешься.

Ребята ждут меня у дальнего столика. Полумрак, царящий в помещении, рассеивает мягкий свет ламп, накрытых допотопными пыльными торшерами.

– Итак, – спрашиваю, – что за беда собрала нас?

Подходит миловидная официантка. Заказываю фруктовый чай.

Хома и Аня – точно такие же, как в Канве. Один в один. Разве что девушка одета попримечнее. Хомяк же старательно подбирает гардероб так, чтобы стать похожим на себя иллюзорного.

– Да вот, – говорит Дан, потирая переносицу. – Позвонил я вчера... напарникам. Аня сказала, мол, дело есть. Можно ещё раз сходить кое-куда, всем вместе.

Сдерживаю вздох, полный вселенской грусти. Опять новички, опять поход с ними? Я-то вчера думал, что больше малышей не увижу. Сколько нервов убито. И тут – опять двадцать пять.

– Мы не добыли ни крупинки золотой, – напоминает Данил.

– Серьёзно? А я уже и забыл. Думал, наше с тобой парное подражание мигрирующим леммингам – часть плана.

– Не ёрничай. Послушай лучше Аню...

Внимательно слушаю. Девушка рассказывает о том, что ей, по знакомству, на днях скинут координаты места силы. Не такого крупного, как до этого. Но возле таких и фриков поменьше. Или может статься, что их там нет вообще.

– Насколько источник надёжен? – спрашиваю. – Ты в курсе, что новичков, неспособных отличить пряжу от обычника, через раз кидают ушлые ребята?

– Не бурли, – просит Дан. – Мы об этом уже говорили.

– Не грех поговорить ещё раз, – парирую.

Господи, да что с ним такое? Носится с ней, как с писаной торбой. Раньше новичков жёстче меня отшивал.

– Она моя подруга, – примирительно говорит Аня. – Очень близкая. Куда уж надёжнее? Вместе за партией сидели, понимаешь? В Горький наша семья переехала совсем недавно. До этого жили в Геленджике. Саша раньше меня стала иллюзорщиком, освоилась. А ещё нет. Вот и помогает.

– Ладно, снимаю вопрос. Тогда что с картой, координатами?

Аня улыбается:

– Их мы получим на заранее обговорённом месте. Где – знаю только я и Хома. Так ведь правильной, да, Фокс?

Молча показываю девушке большой палец. Молодец. Уела!

– Что у вас с посмертием? – спрашивает Данил. – Когда сможете осуществить заход?

– Я – хоть сейчас, – пожимает плечами Анна.

– И я, – говорит Хомяк. – Уже ничего не болит, не чешется! Прямо рвусь в бой!

– Заходим как обычно?

– Угу.

Приносят чай, четыре чашки. Разливаю ароматный напиток.

– Что ж, удача с нами!

– А когда было иначе?..

* * *

В университет всё-таки успеваю заглянуть. Послушно сижу на парах, записываю лекции за преподавателем. В перерыве общаюсь с однокурсниками. Всё как всегда, как обычно. На лице – маска доброжелательности, хотя сердце гложет нехорошее предчувствие.

Нюх у меня на неприятности.

А может, я и правда излишне мнителен. То в Ире вижу иллюзорщика, то в Аниной подруге – кидалу.

Пытаюсь обвинить в нарастающей тревоге эффект посмертия. Не слишком удачно. Что я, ни разу не умирал? Такого не было. Зато случилось похожее, когда на группу устроили засаду, там я и лишился двух зубов. И ещё раз, когда лёгкая прогулка возле западного нагорья обернулась кровавой баней – откуда ж нам знать, что местное племя абсолют-

ников решило устроить праздник, а мы, неудачники, подвернёмся под руку?

В общем, беда.

На учёбу стараюсь ходить, по возможности, исправно. Это моя зацепка, наряду с родителями. Крючок, что держит на Земле. Пока есть хотя бы видимость нормальной жизни, пока знаю, что нужен и ждут – хочется вернуться. Пусть я трижды успешен в Канве, пусть нужен и там, по-своему. Здесь, дома, у меня долг. По мере возможностей буду его выполнять.

Палец, обтянутый кожаной перчаткой, жмёт кнопку дверного звонка. Минуту жду. Затем слышу шаги с той стороны. Лязгает замок, дверь отворяется, пропуская меня внутрь.

Заспанная Женя широко зевает.

– Нагулялся, – говорит, – блудный сын.

– Так точно.

По традиции идём на кухню. Здесь за чашкой чая рассказываю про ребят, Анну. Про то, как бесславно погибли, потеряли золото, недели, убитые на поход. Девушка огорчённо качает головой.

– Вить, может, это был знак свыше? – спрашивает она. – Может быть, стоит задуматься...

– О чём? О том, что не следует держать лопухов в команде?

– Нет. О том, что со всем этим тебе пора завязывать.

Ухмыляюсь:

– Да? Околачиваться по лесам, отстреливая мало-мальски крупную живность? Плавали – знаем. Дохода считай что никакого. Данил этим заниматься не станет, придётся в одиночку.

– Не об этом я. Ведь есть же у вас там... люди, что... не рискуют. Положим, рукодельник из тебя не очень, а вот фермер...

– Фермер! – смеюсь. – Издеваешься? Какой из меня земледelec? Я старатель, Женя. Старатель! Мне житья не дадут. Иллюзорщики нас не любят. Это во-первых. Во-вторых, денег с земли – чуть. И в-третьих, ты знаешь, я сорвусь.

Молчу, глядя на подругу.

– Или мне заходить в Канву ради сна?

– Или так. Что плохого? Ты парень здоровый. Здесь стоишь крепко. Раз в неделю будешь туда заходить, отдыхать. Зато сможешь совместить учёбу с работой, это же сколько времени...

– Прорва времени, – холодным тоном говорю. – Целая вечность без... неё. Жить, понимая, что мог бы сейчас заниматься любимым делом, а не торчать... тут, среди пробок, машин, среди каменных коробок...

Подруга вздрагивает:

– Говоришь, как абсолютник. Меня это пугает, Виктор.

– Я ещё не устал жить на два мира, Евгения. Сейчас я счастлив. Отними у меня мой талант, и я превращусь в тень.

– В обычника, – подливает масла в огонь Женя. – Вы нас

так называете, о избранные? Что ты вчера говорил, вспомни? Мол, избранность – это иллюзия.

– Иллюзия – это верить в то, что можно переделать человека.

Девушка кладёт ладонь поверх моей, заглядывает в глаза.

– Тебя не надо переделывать. Ты хороший человек. Просто заблудился. Ты не думал о том, что болен? Что Канва для тебя всё, а родной мир – перевалочный пункт? Я ведь чувствую, ты врёшь себе. Каждый день. О том, что должен быть здесь. Ты сам говорил мне, что нет хуже участи, чем быть абсолютником. Ты в него неотвратимо превращаешься.

Я молчу. Подобный разговор у нас не первый. Каждый раз я сопротивляюсь, каждый раз слышу её правду. Беда, что мою правду она принимать не хочет.

Да, может быть я и болен. Да, от старательства одни беды. Я неплохо зарабатываю, но с тем же успехом можно трудиться вахтово, где-нибудь в тундре. Долго не проживёшь, зато весело.

– Женя, – говорю севшим голосом. – Я не хочу, чтобы мне промывали мозги. Особенно ты. Давай так: пусть жизнь у меня будет короткая, но весёлая. И без непонимания. Хочешь, я расскажу в сотый раз о людях, что не доживают до тридцати? О тех, что в Канве лишь спят? Ты можешь в сотый же раз начать спорить, но ничего не добьёшься. Потому что я был там. А ты – нет. Потому что ты нормальный человек, а я – обречённый. Не мешай мне погибать.

Она смотрит на меня. Полные губы дрожат. Господи, только слёз не хватало...

– До сорока, – шепчет она. – Не тридцати. Я уверена, ещё немного, и наука продвинется вперёд. Эту... болезнь можно вылечить, я уверена.

Взяла себя в руки. Какая умничка...

– Я устала смотреть, как рядом со мной погибает близкий человек.

Мне хочется сказать, что если так будет продолжаться, лучше найти другое место для ночёвок. Чтобы не мозолить глаза. Но знаю, что этим её смертельно обижу. Убью. Растопчу. Нельзя такого предлагать, даже в гневе.

Крепко сжимаю её ладонь.

– Прости меня, дорогой друг, – говорю. – Я сделал свой выбор. Ты ничего изменить не сможешь. Давай... хотя бы не ссориться.

Она грустно улыбается:

– Давай. Ты... сейчас уходишь?

– Да. Меня ждут. Я же рассказывал. К тому же Кышу обещался помочь. Слово надо держать. А нам с тобой жить на что-то.

Женя аккуратно убирает руку. Лицо у неё вдруг делается сдержанным, серьёзным – поразительный контраст.

– Ты меня извини, – говорит. – Сама не своя. Завтра с утра на работу... давай, спокойной ночи, что ли?

– Спокойной ночи.

Остаюсь на кухне один. Тупо смотрю, как за окном, в свете фонарей, падает снег.

Послать бы тебя к чёрту, мир иллюзорный. Вызвать такси, доехать до родителей. Ночь скоротать возле монитора, днём – пообщаться. Но нет. Ты оплела меня тенетами, затягиваешь, если не через увлечение, то через друзей.

И не отпустишь.

Никогда.

Уж я-то знаю.

Глава 2, часть вторая

Кто ты без меня, Канва? Чудесный неизведанный мир. Ты – колдовские рощи, алые восходы, янтарные закаты. Кристально чистые озера и шумные реки. Самобытный народ, плодородная земля, золотые нивы.

Кто я без тебя, Канва?

Никто.

Из блога Ткача

Первый день мы тратим на приготовления. Вместе со мной в пещере сгнула мало-мальски приличная одежда, пришлось раскошелиться. На часы и компас у меня привязан «маячок» – услуга, опять же, от прях. Девушки привязывают к вещи ниточку, клубок остаётся лежать в камере хранения. Он реагирует на температуру тела. Когда оно остывает, ниточка, подобно пружине, скручивается, сквозь основы притягивает вещи.

«Маячок» – услуга разовая, дорогостоящая, ненадёжная. Но уж лучше так, чем остаться без жизненно необходимых вещей. Часы я терял за всю карьеру два раза. Компас и рогатка исправно возвращались на место.

Вот что значит – удачная покупка!

Город у иллюзорщиков один. Зато какой: каменно-деревянная громада. Архитектура буквально режет глаза – дома

такое скопление стилей не встретишь. Здесь и срубы, и почти настоящие небоскрёбы, возведённые стихийниками. Столица разделена кварталами. Два самых крупных – русского-ворящий и английский. Чуть поменьше – восточный. Тут обитают, вперемишку, китайцы, японцы, и прочий подобный люд. В Канву отчего-то чаще попадают из Европы, Америки. Странам востока в этом отношении несказанно повезло.

У каждого квартала – своя гильдия прях, обязательно – банк. Последний – крупная громада серого камня, сотканная из цельного куска скалы. Как по мне, так напоминает гротескный, увенчанный нелепыми декоративными башенками, бункер.

Банки считаются неприступными. Хотя находятся умельцы, которые проникают за тяжёлые, окованные бронзой двери.

В цитадели коммерции прохладно. Забираю из камеры вещи. У выхода жду Данила. Расслабленно курю, щурясь на столб пламени, растущий прямо из брусчатки площади. Иногда оттуда выныривают «посмертники» – ребята, пережившие собственную гибель. Возрождаются голышом.

Возле живого огня – каменные скамьи. На них лежит аккуратно сложенная одежда. Рубаха, брюки. За это спасибо трудолюбивой администрации. И нам, честным налогоплательщикам. Хочешь совершить покупку в магазине? Предъяви торговцу цветной код. Получить его можно в администрации, оплатив полугодовую прописку.

Всё просто. По этому же, индивидуальному, коду, получаешь доступ к банку.

Данил, жутко довольный, ступает на мрамор парадного входа. Щелчком отправляю окурок в урну.

Идём к лавкам портных. Здесь наскоро выбираем обмундирование. Я остаюсь верен стилю: куртка с капюшоном, без лишних изысков, брюки, высокие берцы, на шнуровке. Прежде чем оплатить покупку, набираю возле стойки, отведённой под кассу, цветовой код.

Высоченная арфа, вместо струн – видимые только мне нити. Честно говоря, не знаю, откуда они – из утка или из основы. Пряжи не раскрывают секретов.

Один за другим дёргаю разноцветные, не похожие по толщине нити.

Чёрный стандартный, рыжий тонкий, чёрный толстый, фиолетовый стандартный, чёрный тонкий. Так семь раз. Вот и весь мой код. Арфа отзывается мелодичным перезвоном, подтверждая пароль.

Кассир улыбается, принимает из рук серебряный карандашик. Внимательно изучает пробу, взвешивает на весах. После чего отсчитывает пяток бронзовых монет с оттиском в виде прыгающего через костёр человечка. Гербом столицы.

Ту же операцию проводим у бронника: Данил раскошелится на жилет из медных чешуек. Не Бог вещь какая защита, но спасти от костяного наконечника сумеет. Я, под угрозами друга, сдаюсь, приобретаю себе такой же.

Следующая на очереди – оружейная лавка. Здесь я себя сдерживаю, хотя очень хочется отдаться шопингу. По сути, все эти орудия смертоубийства мне совсем ни к чему. Есть рогатка. Не простая, пропитанная Чудом. С ней, как показал опыт, не страшно даже возле камнееда. Снаряды для неё у меня всегда есть про запас. Глупо закупаться ими у оружейника, который продаёт их втридорога, когда можно по знакомству приобретать камушки чуть ли не мешками. За копейки.

Плюс, без толковой пряжи под боком никогда не знаешь, что всучивает тебе незнакомый купец.

Я скромно выбираю себе нож, с антрацитово-чёрным обсидиановым лезвием. Не для боя. Какой из меня боец? Так, хлеб нарезать, палки для шалаша настрогать.

Данил закупается основательно. К холодному оружию у него страсть. Выбирает под себя бронзовый топор, долго рассматривает лезвие, примеряется к длине обуха. Оружейник это терпит, а вот мне подобное занудство выматывает нервы.

Следом идёт мучительно-долгий выбор кинжала, камушка для заточки...

– Копуша, – бурчу я, толкая дверь лавки. Над головой приятно звенит колокольчик.

– Просто в тебе нет романтики воина. Это искусство, не то что из рогатки пулять...

Иронично хмыкаю:

– Что? Да я мастер рубки дров твоими топорами. Знаешь,

как после этого духом воинства пропитываюсь? Аж за версту прёт...

– Нашёл, чем гордиться, мастер-хренастер.

Наша столица немногочлюдна. Улицы чаще пустуют – удивляться здесь нечему. Жизнь, работа, кипит за городом. Здесь же, скорее, место для отдыха.

У меня тоже есть дом. Ну... не совсем дом, конечно, так, небольшая комнатуха. Там я отсыпаюсь, когда нет заказов. Другие иллюзорщики ведут похожий образ жизни. В городе спят, за ним – бодрствуют.

Молча идём вдоль торговой улицы, шаги эхом разносятся мимо чёрных, в предрассветной мгле, домов. Только в окнах лавок горит свет, роняет рыжие полосы на брусчатку.

У рукодельников совсем другой ритм. Можно с уверенностью сказать, что столица – их родной дом, их стихия. Они редко живут в одиночестве. Образуют небольшие подряды – дружные семьи. Всё ради того, чтобы дело не останавливалось ни на минуту. Так и живут здесь, посменно. Вышел один – заходит другой.

Столица – исполинский молл, торговый центр. Царство мастеров, товаров, ярких вывесок. Здесь можно отвлечься, посидеть в одном из баров, послушать музыку. Или отдохнуть по-настоящему, накрыться с головой одеялом, заперев дверь изнутри. Но ты, не будучи мастеровым человеком, так и останешься здесь гостем. Вечным покупателем.

Безумный мир навязывает безумные правила.

– Как меня всё это достало, – вздыхает Данил.

– Что «это»? – спрашиваю, перепрыгивая через огромную, подёрнутую корочкой льда, лужу. Ночь на исходе, самое время для холода.

Даже в полумраке вижу, как друг корчит недовольную мину.

– Вся жизнь эта, – говорит, – бессмысленная.

– Почему бессмысленная? Мы деньги зарабатываем. Хорошие. В этом смысл нашего захода в Канву.

– И что? Неужели жизнь сводится к заколачиванию денег, Фокс? Почему даже в новом мире нет великих идей, свершений? Мы как стадо баранов, ей-Богу.

Усмехаюсь. Домашняя философия до добра не доводит.

– А чего ты хочешь? Ну чего, скажи? – спрашиваю. – Каких идей? Хочешь, чтобы появился местный генерал, объявил священную войну фрикам? Или наоборот, чтобы абсолютники устроили охоту на нас? Или давай, будем строить коммунизм. А что, новый мир, чистый лист, можно всё заново начать.

– Почему бы не построить?

– Потому бы, – бурчу. – Кому это нужно? Горстке людей на краю обжитой земли? Ты знаешь, я ведь не в шутку это сказал. Там действительно есть общины с яркими политическими идеями. Эти ребята готовы мир покорить, устроить идеальное общество, строят утопию за высокими заборами. Только знаешь, что?

– Гм?

– Они бы, может и построили. Установили бы твёрдую власть. Но этого не будет. Потому что вся Канва для нас – ненастоящая. Идеи – ненастоящие, войны – такие же. Выбор не станет фатальным, иллюзорщик всё равно вернётся к жизни. Мы не можем умереть, стало быть, не можем и поверить в реальность.

Данил отмахивается, как от назойливой мухи:

– Ерунду городишь. Канва реальна.

– Для абсолютников, Дан. Это мы с тобой, можно сказать, развлеклись. Играли в приключенцев, зашли в чужой дом, унесли золото... почти унесли. Для них это самая настоящая трагедия. Им некуда отступать. Им в затылок дышит смерть.

– Что ж ты предлагаешь? – справедливо вопрошает Данил. – Никуда больше не ходить?

– Не я завёл разговор. Я пойду красть чужое Чудо. Потому что мне хочется жить, причём сыто. И мне дела нет до абсолютников. С предателями, перебежчиками, не может быть диалога. Так думаю не я один. Потому фрики не идут на мир.

Данил молча кивает.

Вообще, здесь я не совсем прав. Чтобы идти на мировую, нужно, для начала, объявить войну. А её, как таковой, нет. Всё очень просто: племя занимает землю подле источника силы, живёт на ней. И убивает всякого, кто пересекает границу. Не смотрят на то, иллюзорщик ты или нет. Общаться с фриками по-настоящему, «за жизнь», мне ещё не доводи-

лось. Но, думается, что для них мы не более чем враждебная среда.

В любом случае, за всю историю пребывания человека в Канве, не было ни одного штурма столицы.

Не знаю, что творится в уродливых головах абсолютников. Но для нас они больше чем окружение. Это – символ позора.

Абсолютники не строят городов. Абсолютникам наплевать на Землю. Они живут, подобно зверям, диким, опасным. Придумывают собственный язык, строят жалкое подобие культуры. А потом спокойно убивают нас, бывших братьев.

Конечно, не все иллюзорщики – агнцы Божьи. Но, в целом, мы дружный народ.

Может быть, наше мини-общество и смогло бы принять отступников. Но они сами не хотят принимать нас. Не знаю, почему. Наверное, никто не знает. Это незнание порождает страх, а он, в свою очередь, ненависть.

Мы называем их предателями. Не совсем справедливо. Не все попадают к фрикам по доброй воле. Но... остаются. И перестают называть себя людьми. Это, наверное, самое страшное в абсолютнике. Человек, переставший им быть.

Мы останавливаемся возле приоткрытых створок северных ворот. Наверху, облокотившись на перила, скучают ополченцы. Вот уж у кого работа – хуже не придумаешь. Три дня проводить на одном и том же месте. С перерывами на

выходные, конечно.

Так уж заведено, что стражей порядка не любит никто. Хотя делом, вроде, занимаются. Ловят воров, секут их плетьюми на площади – опять же, развлечение для городских. Или помогают тушить пожары, которые здесь не редкость. Принимают наводки на «беспредельщиков», чтобы, при случае, не пустить в город.

И только за одну обязанность, сбор проходного налога – они заслужили общую ненависть.

Волей-неволей приходится таскать с собой мелочь. Иначе прогонят взащей. Ещё и по морде надавать могут.

– Запаздывают наши друзья, – вздыхаю.

– Угу, – кивает Данил. – Надо дрессировать в них пунктуальность.

Нашему негодованиею есть причина: за то время, пока Дан выбирал обновки, можно десять раз опоздать.

Наконец из-за угла показывается знакомая нам парочка.

– Невиноватые мы, – оправдывается Хома. – Это всё Анька со своим шопингом.

– Воистину, – хмыкаю, – в каждой паре иллюзорщиков находится свой Данил.

– Просто мы родственные души, – улыбается друг. Аня отвечает ему тем же.

Стоим, переминаясь с ноги на ногу – холодно. Над головами нарезает круги светляк, раскладываем карту, прокладываем маршрут.

– Настаиваю на том, чтобы первым зайти к Кышу, – предлагаю я.

– Смысл?

– Он у нас мужик щедрый. Если проблему не решил сам, то за работу поделится чем-нибудь «вкусным». С учётом того, что в последний наш поход я поиздержался... да и вы, наверное, тоже, гуманитарная помощь от матерого стихийника не станет лишней.

Дан задумчиво гладит небритую щеку:

– Ну, если с этой стороны... да, ты прав. Сначала к нему. Ничего, Ань, подождёт твоя подруга?

Молча протягиваю девушке часы. Она смотрит на циферблат, кивает.

– В запасе около полутора суток. Успеем?

– Успеем, – киваю, – тут недалеко.

* * *

Стоим на вершине холма. Утренний ветерок приятно касается кожи, играет волосами. Довольно шурюсь, любясь заревом восхода. Солнце уже выкатилось из-за кромки горизонта, окрасило Канву весёлым персиковым цветом. Впереди, насколько хватает взгляда – местность, обжитая человеком. Хищные силуэты фортов, правильная геометрия полей.

Леса, царившие здесь до прихода иллюзорщиков, давно вырублены. Вместо первобытной дикости, теперь – сельская

идиллия.

Целый мирок соседствующих общин. Маленьких стран со своими обычаями, законами. Когда приходишь в Канву первый раз, волен выбрать семью. Здесь тебе будут всегда рады. Накормят, отогреют. И ты полностью отдашься труду, нехитрому быту.

При условии, если ты – не старатель.

Им здесь не особо рады. Не удивительно: люди огораживаются от мира не просто так. Дело даже не во фриках, зверях, или другой канвианской напасти. Нет, дело в нас, и подобных нам. Мы – воры. Убийцы бесплатного счастья. И быть нам отшельниками, отщепенцами, кабы общество не нуждалось в услугах старателей.

Хозяйство зачинают на добрых местах силы. Земля, пропитанная Чудом, даёт по три урожая в год. Или, может стать, что вода в колодце, который вырыл трудолюбивый фермер, будет залечивать раны. Или исполнять желания. По чуть-чуть.

Не будет Чуда – не будет и успеха. Поэтому старателей, единственных людей, способных украсть чужое счастье, огородники не любят.

Осторожно поворачиваю голову, смотрю на Данила. Вижу – любитесь, как и я. Мыслями где-то далеко. Может быть, в прошлом, когда и он, бродяга, был частью семьи. Я всегда немного завидовал ему. Стоит Дану захотеть, и сильного мула тут же примут в общину.

У меня выбора нет. Или так, или в Спящий квартал Столицы. Дрыхнуть, среди сотен других, отказавшихся от соблазнов Канвы.

– Что, если вашего знакомого не окажется на месте? – спрашивает Анна.

– Мы всё равно ему поможем. Всё-таки друг. Может быть, в будущем, и он поможет нам.

– Разве дружба так строится? – удивлённо вскидывает брови девушка. – Это партнёрство.

Бросаю на пряху недовольный взгляд:

– Это Канвианская модель отношений. Ты мне – я тебе. Чем дольше знаешь человека, тем больше доверия. Для нас это дружба.

Отворачиваюсь. Каблуком сапога топчу белёные инеем ростки травы.

– Здесь каждый встречный-поперечный может убить, – продолжаю. – Или обмануть. В Канве делать это проще, чем дома. Мы бессмертны. Поэтому доверие – самое главное сокровище.

– Ты утрируешь, – тихо говорит девушка. – Иллюзорники – добрые люди.

– Да. Пока никто не видит.

Закидываю рюкзак за спину. Осторожно, чтобы не упасть, начинаю спускаться вниз. Ладонями цепляюсь за сухой репейник – подошвы скользят. Надо было внимательней выбирать обновку.

– Не обращай внимания, – слышу за спиной голос Дана.

– Я всё понимаю, – отвечает Анна. – Это возрастное, наверное.

– Нет, – жёстко обрывает её друг. – Издержки профессии. Ломает характер. Он таким не всегда был. И в людей верил.

Я и сейчас верю. Просто трезво смотрю на вещи. Есть иллюзорники порядочные, и не очень. Есть и откровенные сволочи, могущие возле самых ворот всадить стрелу между лопаток. Группа бродяг, возвращающихся из похода – жирный куш. На чужом успехе готовы поживиться не только разбойники. Но и люди, с виду, благополучные.

Продираюсь сквозь заросли, выросшие на обочине. Дорога вновь, как и многие разы до этого, стелется под ногами пыльной змеёй. Одна из многих нитей мирового узора, видных каждому.

Кыш устроился на отшибе. За широкой лентой реки, в тени старой дубовой рощи возвёл башню. С одной стороны удачно: соседей не видно и не слышно. С другой стороны, под боком чужие земли. Нет-нет, да и забредает дикий зверь. Или кто похуже.

Элементалист сейчас дома. В самом верхнем окошке ярко горит огонёк. Издалека Кышева башня напоминает древний маяк: нарочито-грубые стены серого камня, узкая обзорная площадка.

Мы не успеваем подойти к башне и на половину километра, как замечаем признаки бурной деятельности фриков. У

деревьев срублены нижние ветви, на земле – чёрные пятна кострищ. Пальцами трогаю золу. Холодная. Здесь у них была стоянка. Интересно, давно ли ушли?

– Пройдёмся по берегу, – предлагаю.

– Добро, – кивает Дан.

Выбираемся из рощицы. Песок под ногами влажный, неприятно чавкает, пачкая мыски сапог. Высматриваю следы. Их не приходится долго искать. Вот здесь – отпечатки раздвоенных копыт. Они тянутся цепочкой вдоль воды, теряются в жухлой траве.

Не стоит обманывать себя: это не дикие козы. Импы – одна из многих разновидностей фриков. Мелкие, на первый взгляд кажущиеся противником несерьёзным. Так оно и есть. Если имп один. Но эти зверята поодиночке не ходят.

– Вроде ничего серьёзного, – вздыхаю. – Но чтобы найти этих задранцев, придётся изрядно попотеть.

– Чего им тут надо? – спрашивает Хома, усаживаясь на поросшую осокой кочку.

– Покушать заглянули, – отвечаю. – Отсюда удобно делать набеги за скотиной. Смоются при случае.

Волна с плеском лижет берег. Окунаю носок в воду, тщетно пытаюсь смыть грязь. Замечаю воткнутые на мелководье рогульки. Рыбачили, значит.

– А от нас не смоются?

– Вряд ли, – говорю. – Нас всего четверо. Импы наглые. Убегают лишь когда на горизонте толпа разъярённых огород-

ников, человек в тридцать.

В голове рождается план. Может статься, что нам не придётся долго искать нарушителей спокойствия. Сами выйдут к нам, за лёгкой добычей.

Нахожу в песке полосатую раковину перловицы. Задумчиво кручу её, затем бросаю в воду. Волны с плеском смыкаются над моллюском. Не получилось сделать «лягушку». Никогда не получается.

– Ань, – задумчиво говорю. – У тебя как с актёрским мастерством?..

* * *

Ладони сжимают шершавую кору ветки. Дубовые листья, холодные, влажные, касаются щеки. Здесь на высоте, ветер довольно крепкий, за час, проведённый без движения, становится зябко.

Впереди, шагах в двадцати, на уютной полянке сидит, прислонившись обнажённой спиной к старому дубу, девушка. Вся перемазанная в грязи, прикрывается жалкими остатками одежды. Рядом с ней, в траве, лежит распотрошённый рюкзак.

Наивная сцена под названием «красотка в беде». В роли красотки – загримированная Аня. Рюкзаком и нехитрым скарбом поделился Хомяк. Я пожертвовал на реквизит сменную рубашку. «Жертва» вот уже час осипшим голосом зовёт

на помощь.

Господи, даже у распоследнего дурака хватит мозгов на то, чтобы разоблачить дешёвый фарс. Ну какой иллюзорник в здоровом уме будет привязывать к дереву ограбленного? И жертва сама сто раз уже смогла бы выйти из Канвы, позвать кликнуть кого-нибудь из друзей. Только бы не торчать полуголой на холоде.

Но импы – это импы. Когда дело касается добычи, логика у них отключается напрочь. Проверено.

Данилу с Хомяком выпала роль «насильников». Они, старательно изображая злодеев, обмотали Аню верёвкой (разумно – фрики, при случае, могут, и скорее всего, уволочут девушку), разрезали мешок. А затем, глумливо хохоча, потопали к башне Кыша. Для задуманной каверзы хватит и меня с Анной.

Пусть лучше отдыхают возле костра. Меньше подозрений.
– Кто-нибу-у-у-удь, – надрывается девушка. – Помогите!..

Сидеть в одних лохмотьях, на холодной земле – удовольствие не из приятных. Но жалеть Аню не стоит. Пряха на то и пряха, что всегда, в любой ситуации найдёт способ выкрутиться. Вот и теперь она, оборвав крик, ласкает на ладонях какой-то предмет.

Грелка. Или что-то в этом роде.

Я забрался на дерево за час до начала спектакля. Прятался старательно, может, и не заметят следов. Сразу.

Вообще можно было и посидеть рядом с «жертвой». Но на двух иллюзорщиков, один из которых мужчина, импы могут вылезти всей гурьбой. Тогда нам придётся несладко.

Жутко хочется курить. Над ухом звенит разбуженный робкими лучами утреннего солнца комар. Пытаюсь отогнать кровососа – бесполезно.

Так, увлечённый борьбой с жаждущим человеческого тепла насекомым, не замечаю, как на сцене появляются новые действующие лица.

Всего трое. Низкие, ростом едва доходят мне до пояса. Нижняя половина тела смахивает на козлиную, только милый пушистый заячий хвостик выбивается из общей картины. Тела жилистые, под смуглой кожей, поросшей редкой шерстью, жгуты мускулов. Лица фриков почти что звериные, от человеческого остались лишь едва узнаваемые черты.

Нос расплющен, считай что нет его. Из-под тонких губ виднеются желтоватые резцы. Кончики острых ушей пробииваются сквозь немытую копну волос.

Импы подбираются осторожно. В руках сжимают коротенькие копыя. За спиной у каждого – мешок из шкур. Их-то и будут набивать разбросанными ценностями.

– Мамочки! – вскрикивает Аня. Наверное, искренне.

Натягиваю резинку рогатки. Стреляю. Снаряд – вроде того, каким я потчевал камнееда.

Камушек ударяет возле самых копыт фриков, ярко вспыхивает. Я отталкиваюсь от ветки, неуклюже приземляюсь.

Ноги затекли за время двухчасового бдения.

Уже на краю поляны снова стреляю, на этот раз снарядом, заряженным Аниной «морозилкой». Стоящий впереди товарищей фрик скошенным деревом падает на землю. Не знаю, кому говорить спасибо – пряхе, или собственной меткости. Попал в голову.

Противники оглушённо трут кулаками глаза, не видят меня.

Следующий камень бьёт второго разведчика под рёбра. Жалобно ойкнув, имп оседает на траву. Заряд срабатывает не сразу, фрик успевает отползти, прежде чем нити сковывают мышцы холодом.

Бегу, кажется, быстрее ветра. Роняю ослеплённого противника на землю, от души бью кулаком. Имп жалобно верещит подо мной, пытается достать копытом. Ага, так я тебе и дался.

Снимаю перекинутую через плечо верёвку. С трудом удаётся заломить разведчику руку за спину – силен, гад!

– Не дёргайся, – ору, – зарезу!

Фрик то ли не понимает меня, то ли не собирается так просто сдаваться. Визжит, дёргается. Осторожно, чтобы не убить, «морозильным» камушком ударяю меж выпирающих под кожей лопаток. Нити, завязанные на камне, распускаются, оплетая врага коконом.

Носить снаряды при себе опасно. Неловкое движение – и оружие обернётся против самого владельца. Но у меня на

этот случай припасена маленькая хитрость. Камушки заворачиваю в проташенную Данилом фольгу. Такие «конфетки» лежат спокойно в кармане: пока не развернёшь обёртку – не сработают.

Металл в Канве имеет очень интересные свойства.

У старой куртки все карманы были обшиты двойным слоем фольги. Сегодня на это просто не было времени...

Движения импа начинают замедляться. Фрик надсадно хрипит, силясь вдохнуть. Связываю его по рукам и ногам.

– Живой? – спрашиваю.

Зверёныш буравит меня чёрными глазками, злобно скалится. Живой! Этого-то нам и надо. Не зря выбирал снаряды с наименьшей мощностью.

* * *

В комнате натоплено, до духоты. Я, довольный от того, что наконец-то могу снять куртку, сижу в мягком кресле. Потягиваю из деревянного стакана подогретое вино.

– Ещё раз спасибо, – говорит Кыш, разбивая кочергой прогоревшие поленья. – Я за этими паразитами давно гоняюсь. Теперь потолкуем.

Наш общий друг не просто талантливый стихийник. Он один из немногих, кто понимает бормотание фриков.

– Думаешь, удастся разговорить? – спрашивает Данил.

Кыш усмехается:

– У импов длинный язык. Особенно после знакомства с раскалённым железом.

Сидящая справа от меня Аня поперхнулась. Округлив глаза, смотрит на элементалиста.

– Это... негуманно!

– А воровать – гуманно? Жечь посевы? – спрашивает Кыш.

– Утаскивать полуобнажённых девиц в логово, – грустно добавляю я.

Конечно, не могу согласиться с Кышем. Одно дело – хорошенько проучить, но пытаться... хотя, уверен, он это говорит для остротки. Не замечал у нашего общего друга склонности к насилию. Скорее просто срывает накопившееся раздражение.

Ну кому понравится, когда под твоим носом обживаете опасное племя? Ладно бы просто рыбу ловили. Так нет: наводят на стихийника ложные подозрения. Мол, вот он, прикармливает фриков, чтобы к нему чаще обращались.

Бред, конечно. Но злоба людей зачастую лишает рассудка.

– Можно договориться мирно... нельзя так!

Кыш невесело улыбается:

– Расслабься, деточка. Никого я пытать не буду, – говорит элементалист, подтверждая мои догадки. – Подержу в погребке пару деньков. Импы обязательно придут за товарищем. Поговорим с высоты в два этажа. Уйдут, никуда не денутся. Эти своих не бросают.

– То есть ты их берёшь в заложники... а потом отпустишь?

– Ну да, – кивает Кыш. – Нафига они мне сдались? Харчи задарма переводить? Кстати о птичках...

Стихийник с кряхтением поднимается, идёт к выходу. Его нет довольно долго. Расслабленно люблюсь рубиновой горкой углей, весело перемигивающейся в топке.

Где-то в углу, за аккуратной стопкой дров, неуверенно тирлинькнул сверчок.

Всё-таки Кыш хорошо устроился. Уютно. Знаю, что наверху – просторная обсерватория, маленький сад. Там спокойно можно любоваться канвианским небом. Здесь, внизу, гостиная, где всегда царит умиротворяющий вечер. Даже если снаружи вторые сутки улыбается весёлое солнце.

– А вот и я.

Стихийник вносит на плече какой-то свёрток, смахивающий на ковёр. На пол возле камина плюхается долгожданный подарок. Кыш разворачивает его, по комнате проносится удивлённый вздох.

– ЖПВ, – говорю я.

– Истинно так, – качает головой Дан. – Стоило ли?

Кыш довольно смеётся:

– Стоило! Эти задранцы мне всю нервную систему изъели...

У наших ног лежит роскошнейшая шкура. Чёрный, рыжий, белый... интересно, где наш друг сумел добыть тигра?

– А что такое ЖПВ? – наивно спрашивает Хомяк.

Ухмыляюсь, собираясь ответить, но меня останавливает Данил:

– Фокс! Здесь дама.

– Ладно, – морщусь. Тоже мне, кавалер. – А за шкуру спасибо. Где добыл?

– Это не я, – отмахивается Кыш. – За одно дельце подогнали. Мне она ни к чему, а вот бродягам в самый раз будет.

«В самый раз» – это ещё слабо сказано! Тигры в обжитых землях давным-давно перевелись. Говорят, за горами этих зверей полно. Но самая ценность не в редкости. У многих фриков тигры вроде как за священных животных. Их шкуру могут носить лишь самые умелые бойцы. И, по негласному кодексу, таким бойцам кто попало вызов не бросит. Это не панацея от абсолютников и их многочисленных отпрысков, но уже кое-что.

В камине сухо щелкает, из очага на пол прыскает сноп искр. Горка углей, словно живая, шевелится. Затем из неё показывается рогатая головка. Глаза с прорезьями вертикальных зрачков обводят нас надменным взглядом. Секунда – и вот на пышущих жаром углях пристраивается маленькая, не длиннее ладони, ящерка. Ярко-алая чешуя с чёрными разводами подходит в тон прогоревшему дереву. Обладательницу чудесной шкуры просто так не заметишь.

– Саламандра, – восхищённо говорю я. – Кыш, у тебя дома живёт саламандра?!

– Ну, живёт, – недовольно бурчит друг. Осторожно обкладывает ящерицу поленьями, заботливо бормочет: – У-ти, маленькая моя, голодная.

Зоб саламандры раздувается. Зверушка разевает пасть, увенчанную острыми зубками. В сторону Кыша уносится струя пламени. Огонь касается кофты, та начинает тлеть. Элементалист, походя, тушит нечаянный пожар хлопком ладони, грозит ящерице пальцем.

– Рожа ненасытная! Ну... ладно. Держи ещё.

В воздухе повисает едкая вонь горелой шерсти.

– Кыш, – прошу я. – Продай! Что хочешь дам за неё!

– Ага, щас! – смеётся друг. – Я сам за ней два дня гонялся... пока ниточку нужную нашёл, чтобы на себя зацепить... ещё неделя. И вообще. У меня на неё далеко идущие планы.

Щурюсь:

– Разводить собрался? У тебя их две?

– Три, – неохотно признает стихийник. – Но всё равно не продам. Вот убьют вас, и такая пусечка одна посреди леса останется.

– Спалит лес к чертям. Чего волноваться? К ней ни одна зверюга в здравом уме не подойдёт.

Тут я прав. Даже близко не сунется. Это с виду саламандра маленькая, но тело в момент опасности, или наоборот, чрезмерного благодушия, раскаляется до таких температур, что камень трескается. Удивительное животное. Наши земные саламандры, мало того что амфибии, не годятся этой и в под-

мётки.

Во-первых, салы – полуразумны. Во-вторых, легко приручаемы. Не попросишь огня, так и будет сидеть спокойно в мешке, или за пазухой, не причиняя вреда. Но пока приручишь такую – семь потов сойдёт. И ожогов будет не счесть.

– Всё равно не продам, – хмурится Кыш. – Не проси. Вот потом...

Киваю. Хорошо, потом так потом. Зверушка, способная разжечь костёр даже на сыром топливе, стоит ожиданий.

– Подброшу тебе саламандригу, – грожусь. – Вот где простор для дрессировки.

Данил прыскает в кулак. Ну да, есть над чем посмеяться. До чего нелепая гибель: наступить самой смерти на хвост. Кто же знал, что в той пещере водится подобное? Да ещё неумело прячется, выставив чешуйчатые оконечности.

Саламандрига куда хуже младшей сестры. Крупнее, злее, и – умнее.

В общем, только пепел от меня в тот день и остался. Жальче всего было часы: вернулись в банковскую ячейку бесполезным куском оплавленного металла. Едва не устроили пожар. Хорошо что компасом тогда ещё не обзавёлся. Вот уж была бы катастрофа.

– Ты её донеси сначала, – улыбается Кыш. – Хотя, чего там, неси. Я на это посмотрю.

Остаток дня проводим в непринуждённой беседе. И только когда начинает одолевать сон, идём на третий этаж, в кро-

вать.

Для гостей Кыш выделил две маленькие комнатки. Ко мне почему-то решил подселиться Хомяк. Мы лежали в темноте – кровати совсем рядом – на неудобных матрацах, набитых колючей соломой.

– У Аньки нормальные кровати, – жалуется Хомяк, елозя в темноте.

– Мужикам – спартанские условия, – отвечаю. – Так чего ты к ней не пошёл?

Хома мнётся, тянет с ответом, подстёгивая любопытство.

– Уговор, – коротко отвечает он. – И секрет. Допытываться будешь?

– Не буду, – вздыхаю. Хотя очень хочется. Но мало ли, что у них там за тайны. Может, девушка братцу хитрый амулет подарила: проговорится – и всё, чары перестанут работать.

Поэтому – ну его. Мне своих тайн хватает, к чему чужие? Шило, в любом случае, не утаишь.

– Я тебе потом как-нить всё расскажу, – шепчет Хома. – А ты... скажи, что такое ЖПВ? Тайное слово?

Усталость всё-таки берет своё. Набегался за целый день. Жаль, не успел попариться в баньке. На саламандрином тепле хороший жар должен быть. Ну, ничего, успеется. Вот возьмём заказ у Аниной пряжи, и помоюсь перед походом, как следует.

– Эй, – шикает мальчишка, – чего затих?

– Тайное, – сквозь сон говорю я. – Должен будешь. Угу?

– Ага!

Губы против воли разъезжаются в улыбке.

– ЖПВ – это Жопа, Полная Восторга. Усёк? Тигриная шкура – это ЖПВ. Дохлый нефритовый камнеед – ЖПВ. Брошенное лунуе гнездо с краденными золотыми бирюльками – тоже. Усёк?

– Усёк, – довольно говорит Хомяк. – Буду знать! Спокойного сна.

– И тебе, иллюзорщик.

* * *

Выспался хорошо. Наконец-то. Чтобы Земля отпустила тебя здесь, в Канве, нужно хорошенько поспать. Тогда мозги вроде как приходят в норму, настраиваются на местный лад. Начинают верить в происходящее. Поэтому прежде чем идти на важное дело – выспись, старатель. А потом – можешь бодрствовать отмеренное время. Чуть-чуть устанешь, не более того.

Мы стоим, нетерпеливо переминаясь, возле глухой каменной стены. Касаюсь ладонью кладки. Холодная, чуть влажная.

Сверху, по винтовой лестнице, топает Кыш. Сонно зевает, на щеке – свежий ожог. Не иначе как возился со зверинцем.

– Р-разойдись! – командует он.

Подаёмся в стороны. Стена перед нами, до этого целая,

начинает мелко дрожать. По всему зданию проходит жалобный гул. Камень покрывает едва различимая сеть трещин. Ещё немного – и крупный кусок стены осыпается под ноги серым песком.

Двери в башни стихийников открываются эффектно.

Пожимаю протянутую мне руку, первым переступаю «порог» – торчащие из-под земли острые камни.

После лёгкой влажной затхлости свежий воздух, наполненный свежестью леса, кажется невообразимо вкусным. Вдыхаю его полной грудью, улыбаясь, смотрю на чуть прикрывшееся облаками солнце.

Чудесная погода!

Вниз от башни ведёт узкая тропинка. Она тянется вдоль крутого склона, даёт вдоволь налюбоваться видом на реку, разноцветные поля, едва видную отсюда тёмную цепь оборонительной стены Столицы. Затем тропка сворачивает резко вправо. Широкие кроны дубов закрывают нас от припекающего солнца. И глаз хозяина этой земли.

Честно говоря, я непозволительно расслабился.

Поэтому следующие события стали для меня не просто сюрпризом – настоящим шоком.

Прохладный лесной воздух звенит от голодного комарья, другой насекомой мелкоты, жужжащей возле самого уха. К разбавленному птичьим пением жужжанию добавились звонкие хлопки, негромкие ругательства.

Кажется, отвлеклись – всего ничего.

Этого хватило.

Из плотных зарослей малины на нас, абсолютно беззвучно, вываливается целая толпа низких – почти детей! – человечков. Злобно чирикавая, окружает нас, в мгновение ока, плотным кольцом. Я, удивлённо хлопая глазами, смотрю на оскаленные бородатые морды, жёлтые иглы костяных накопечников копий. В спину мне упирается Дан. Друг на взводе: топор в руке, могучая грудь вздымается часто-часто.

Первый шок проходит, я негромко говорю:

– Данилыч, без резких движений....

Словно в ответ на это стоящий рядом со мной имп, дико взвизгнув, ударяет тупым концом копья мне в живот. Обидно. Но не больно. Не зря перед выходом надел чешуйчатый жилет.

Нагло скалюсь.

Убивать нас никто не будет. Пока. Была бы такая цель – лежать нам дома, в кроватях, по-рыбьи хватая ртом воздух.

– А это как называется? – шёпотом спрашивает Хомяк. Нам бы побольше места – и молодой стихийник разгонит эту кодлу, но... импы действуют с умом. Хороший у них вождь. Сообразительный.

– Очевидное и невероятное, – бормочу я, не отводя взгляда от дрожащего перед лицом остряя. – Нас, дамы и господа, форменно берут в плен.

Глава 2, часть третья

Канва иллюзорна ровно настолько, насколько ты позволяешь ей таковою быть.

Из блога Ткача

Мне на коротком веку приходилось видеть всякое. Мерить на себя разные личины, на собственной шкуре испытывать боль самых разных вкусов и оттенков. Без хвастовства. Но так сложилось, что пленным я стал первый раз.

В Канве невыгодно брать врага живым. Иллюзорщику слишком просто вернуться в родной мир.

Конечно, если держать его, подпитывая постоянными страданиями – может что-то и выйдет.

Честно говоря, это меня и напугало больше всего.

Фрики хмурятся, напряжённо буравят нас антрацитовыми глазками. Острия копий в опасной близости от наших тел. Кажется, ещё немного – импы сорвутся. Для нас это неплохой сценарий. Лучше так, чем заживо гореть на костре.

Но судьба распоряжается иначе.

Толпа маленьких воинов колышется: к нам, расталкивая бойцов, выходит крепкий имп. Мускулистый, покрытый вязью татуировок. По нечеловеческом лицу пролегает отвратительная змея шрама. Одного глаза у предводителя фриков не хватает.

Он какое-то время шевелит тонкими губами, скаля жёлтые зубы. Видно, успел подзабыть человеческую речь. А может, и не знал никогда. С демографией у абсолютников проблем нет. В отличие от иллюзорщиков.

– Твоя, – наконец выговаривает он хрипловато-рычаще, – везёт. Твоя есть иметь большой удача.

Фрик тычет в мою сторону пальцем.

Неожиданно. Интересно.

– Мы убей твоя, и насмейся над твоя кости. Но шаман желай говорить. Шаман будет говорить. Твоя – слушай.

– Хорошо, – киваю. – Мы открыты для диалога.

Из-за широкой спины вождя к нам выходит ещё один имп. Этот куда старше соплеменников. Я бы даже сказал – старее. Тут дело и в старческой сутулости, и неуверенной походке. А ещё – в умных, почти человеческих глазах. Одет шаман вычурно: мешковатая роба, увешанная перьями, черепами мелких зверьков. На голове – очень интересная лисья шапка. С несчастного животного содрали шкуру, но череп не тронули. Кажется, что лиса впиалась клыками в космы импа, да так и осталась висеть, защищая рыжим мехом горбатую спину.

Ещё интереснее. Дело не в наряде. Подобным образом вполне может одеться любой знатный фрик. Просто шаманы у абсолютников – молодые, сильные. То ли умудряются поддерживать себя в тонусе, благодаря хитростям канваплетения. Или ещё проще: играет роль борьба за власть. Шаманский жезл должен быть в руках сильных, умелых.

Но этот фрик не просто стар. Он древен, как дубы вокруг Кышевой башни.

Иссушенные временем руки сжимают длинный, резной посох.

Шаман без страха подходит ко мне, и – о чудо! – импы в страхе расступаются. Надеюсь, Дану хватит ума приструнить Хомяка. Если уж фрик чего-то боится, иллюзорщику не стыдно этого стеречься.

– Старатель? – хриловато спрашивает шаман. Он смотрит куда-то сквозь меня.

Я секунду размышляю, прикидывая, говорить правду, или нет. Решаюсь открыться – ложь загадочный имп наверняка почует.

– Да, – отвечаю.

– Имя твоё созвучно с этим? – спрашивает шаман. Он бережно гладит рукой лисий череп, покрытый линиялой шерстью.

– Можно и так сказать, – отвечаю.

Шаман задумчиво кивает. Удивительно: русская речь даётся ему безо всякого труда. Разве что проскальзывает едва заметный восточный акцент. При жизни фрик был кем-то с Дальнего Востока? Что ж, всё может быть.

– Это хорошо. Для нас всех, – говорит имп. – Вы, люди, куда-то спешите.

Это не вопрос. Утверждение. Поэтому я не отвечаю.

– Молодость и спешка, – вздыхает шаман. – Я... дам то,

чего подобные мне, обычно, не дают подобным вам. Я предлагаю вам право выбора.

Мы переглядываемся. Данил заметно нервничает. Над верхней губой выступили капельки пота. Руки чуть подрагивают: друг готов к бою. Аня, напротив, отрешённо-спокойна. И Хомяк, явно не осознающий всей немислимости ситуации, осматривает фриков по-мальчишески заинтересованно.

Мне тоже весело. И немножко жутко. Кому расскажешь – не поверят. Импы, берущие в плен иллюзорщиков почти у стен Столицы, фрик, предлагающий выбор.

– Итак, вы сейчас можете отправиться по делам, – продолжает старик. Он поднимает к небу указательный палец. – Но! Вы будете... ты, старатель, будешь должен мне. Должен жизнью. И, как только дела будут сделаны, вернёшься. Один, или с другими... людьми. Неважно. Мы будем говорить.

– Говорить? – переспрашиваю. – О чём?

– Поспешность, – морщится шаман. – Молодость. Не перебивай, че-ло-век. Да, мы поговорим. А потом ты будешь думать. Или же сейчас наши воины убьют вас. Ты знаешь, что это не страшно. И тогда говорить мы не будем. И думать – не придётся.

Киваю. Да, и на встречу мы неизбежно опоздаем. Но чёрт с ней, со встречей. Когда рядом творится такое...

Я размышляю, закусив губу. С одной стороны, самое время атаковать. Отдохнуть денёк на Земле. Работу мы успеем

найти. Месяц поголодать – не страшно. С другой, чувствую, что сейчас мы коснулись какой-то страшной тайны. Мистики, можно сказать.

Происходит невозможное: шаман, чьё могущество исходит от Чуда, хочет поговорить со Старателем, Чудо убивающим. О чём говорить врачу и убийце?

Фрики мне, по сути своей, неприятны. Я для фриков – хуже чем Гитлер для землян. Отвратительнее червя-паразита. Если шаман импов готов идти на уступки... это что-то да значит.

– Мне нужно посоветоваться с друзьями, – говорю. Стараясь держать руки на виду. Обидно, если такая встреча окончится банальной дракой.

Кажется, второй раз в жизни я сумел прикоснуться к чему-то таинственному, запретному. Первый раз это чувство посетило меня, когда я провалился в Канву. Затем сказка обратилась увлекательной работой. Иногда – рутинной. Даже самые поразительные вещи стали обычными. И вот снова иллюзорный мир щелкает меня по носу, преподносит сюрприз.

Шаман молчит. Чёрные губы его разъезжаются в усмешке.

– Нет, старатель, – произносит он спустя минуту раздумий. – Это выбор одного человека.

Я закрываю глаза. Что делать? Поддаться Канве, или махнуть на всё рукой, оставить как есть? Жизнь будет течь сквозь пальцы, пока я не сойду с ума, или не стану абсолютником.

Взвешиваю все за и против. На одной чаше весов – моё благополучие. На другой – благополучие друзей. Я не желаю друзьям смерти. Не хочу, чтобы Аня, мальчик по прозвищу Хомяк, и мой лучший друг испытывали предсмертные муки. Не хочу новых шрамов на их телах.

– Хорошо, – выдыхаю я. – Мы поговорим, когда дела будут завершены.

Шаман понимающе кивает.

– Иного я не ждал от иллюзорщика с подобным именем, – со вздохом произносит он. – Идите с миром, лю-ди.

Импы один за другим исчезают в зелени рощи. Грамотно прикрывают ослабленный тыл. Мы стоим, боясь шелохнуться. Так, пока лишь следы на земле от десятка копыт, и неприятный запах немытых тел не остаются жёстким напоминанием о реальности произошедшего.

– Мне это не нравится, Фокс, – сдавленно произносит Данил.

Я полностью согласен с другом:

– И мне. Но что поделать?

* * *

Продолжаем путь в полном молчании.

Оборачиваюсь, задумчиво смотрю на земли Кыша. Над серым шпилем башни клубится едва заметная струйка дыма. То ли экспериментирует с чем-то, то ли вправду собрался

пытать фриков. Элементалисты – люди, в большинстве своём эмоциональные, решительные. Взбрела в голову какая чепуха – тут же реализуют.

Сложно их упрекнуть в расторопности. Когда мир вокруг тебя становится податливым, как глина, начинаешь смотреть на вещи иначе.

Может быть, поэтому стихийники раньше других уходят к абсолютникам.

Мимо нас проплывает огороженный невысоким каменным забором роскошный персиковый сад. Воздух пропитан сладким ароматом фруктов. До нас доносятся приглушенные голоса: работа кипит вовсю.

Качаю головой. Не очень-то разумно выращивать сладкое так близко к границе. Из лесов за вкусным прийти может всякое. Хотя огородники тоже не дураки, наверняка предприняли какие-то меры.

– Интересно, – говорит Хомяк, оттягивая лямку рюкзака. Устал, бедолага. – Что им надо было от нас? Ну, фрикам?

– Не от нас, – поправляет его Дан. – От Фокса.

Молча смотрю под ноги. Подошвы поднимают облачка пыли, пачкают без того грязную обувь.

– Хорошо, – с ноткой грусти говорит Хома. – От Фокса?

Мальчишке обидно, что не он в центре назревающего приключения. Но возможность прикоснуться к тайне всё равно будоражит молодую кровь. Эх, знал бы ты парень, какой синоним «приключениям». Неприятности.

Хотя вряд ли осознание простой истины убавило бы пыла. Сам недалеко ушёл. Вроде бы и страшно, и – интересно.

– Тут можно бесконечно гадать, – задумчиво говорит Дан. – Он старатель. Старатели, не смотря на... специфику работы, могут пригодиться даже фрикам.

– Как?

– Враждебное племя усмирить. Не получается у импов прогнать вредных соседей войной, прогонят, лишив их Чуда.

Я пожимаю плечами:

– Не обязательно, – говорю. – Может, просто хочет разведать новое место силы. Понимает, что ввязываться в чужие войны я не горю желанием. Шаман у них умён. Не видел ещё таких.

Аня хмыкает:

– И много шаманов ты видел?

– Порядочно, – отвечаю. – Обычно – недолго. Сплетённые пряжами узоры с ними без труда справлялись. Но этот силен. От него так и пышет уверенностью.

– Уверенность – ещё не признак силы.

– Боюсь, что здесь ты неправа, – говорю. – И ещё кое-что.

Дан меня понял, наверное.

Данил смотрит на меня, хмурится.

– Кыш? – спрашивает.

– Да. Рановато мы приняли дар. Это племя просто так с его земли не уберётся.

– Ну так и шкуру мы оставили в башне, – говорит Данил. –

Не получится у тебя убедить коротышек – Кыш останется при своём.

На смену приятной тени сада приходит опалённая солнцем дорога, проложенная вдоль недавно убранного кукурузного поля. Земля топорщится сухими иглами стеблей. Невдалеке, искажённый маревом, виднеется небольшой посёлок.

В Канве не бывает месяцев сбора урожая. Как посадишь – так и соберёшь. Рай для фермера. Поэтому не бывает здесь голода, в пище недостатка нет. И стоит она по земным меркам сушие копейки.

Есть и свои минусы, конечно. Рацион иллюзорщика, в основном – овощи да фрукты. Мясо дорогое, огородники специально взвинчивают цены. Но эта беда редко касается бродяг. Для нас охота – дело привычное. Тем более с возможностями, предоставленными пряхами, она превращается в развлечение. Это дома охотники неделю выслеживают добычу. Здесь фауна встречается плотнее, есть также специальные свистульки, приманивающие добычу.

Сиди спокойно на месте. Свисти. Кто-нибудь да придёт. Главное, в случае чего, суметь унести ноги.

Не жизнь – рай. Это расхолаживает. Сейчас меня словно из душевой бани выкинули на мороз, окунули головой в холодную воду. Я вдруг осознал, что есть вещи в Канве, с которыми напрямую лучше не сталкиваться.

Если тобой интересуется фрик – спокойной жизни не жди.

Данил протягивает Анне карту.

– Долго ещё? – спрашивает.

Аня внимательно изучает бумагу.

– Нет, – говорит, – здесь рядом.

– Озеро десяти серебряников, – догадываюсь я.

– Как?..

Смеюсь:

– Очень просто.

Когда-то давно озеро было местом удивительным. Не побоюсь сказать – волшебным. На дне располагался источник силы, с необычными свойствами. Чудо воздействовало на романтические чувства людей. Всякий иллюзорщик, находившийся поблизости, вдруг осознавал себя влюблённым. Начинать понимать, кто ему по-настоящему дорог. Поговаривают, что заблудившиеся в Канве сыновья и дочери после недолгого контакта с Чудом возвращались домой, к родителям. Начинали звонить позабытым бабушкам и дедушкам. Или, если таковых уже не было, со светлым чувством посещали могилки близких.

Другим, не имевшим романтических привязанностей, или сохранившим в семье мир, являлись образы тех людей, кто любит, или станет любить их искренне.

Совсем уж прожжённых прагматиков Чудо просто настраивало на благодушный лад.

Озеро прозвали Храмом Амура. И впрямь, на берегах возвели небольшую часовенку. Здесь же поставили беседки,

скамеечки. Говорят, это было местом уединения множества влюблённых. Сотни хороших и не очень людей обрели благодаря Чуду счастье.

Старатели озеро любили, берегли, кто-то даже влился в общество жрецов, живущих под аурой доброты.

Но в любом стаде найдётся паршивая овца. Так уж вышло, что среди нашей братии таких овец немало. Жажда наживы лишает не просто разума – души.

Группа старателей под покровом ночи атаковала храм. Жрецы были оглушены, либо убиты. Воры погрузились в кристально-чистые воды, достигли дна, и выкачали из источника всё, что смогли. Показательно: им удалось добыть всего-то десять монет серебра низкой пробы.

Почему – никто не знает. Может быть, Чудо было на последнем издыхании. А может, над ворами подшутила сама Канва. Чувство юмора у неё отменное.

Это случилось шесть лет назад. Теперь место называется Озером Десяти Серебряников. Чудес там не бывает. И люди, понемногу, начали забывать о добре, которое подарило погибшее место силы. Шесть лет для Канвы – это много.

Не все новички эту историю знают, оно и понятно – старикам-иллюзорщикам попросту стыдно за то, что не уберегли частичку света. Но старатели все помнят. И, по возможности, передают легенду, как напоминание о том, кто мы есть. Какую цену приходится платить. Чтобы думали дважды, нет, даже трижды...

Мы думаем. Огорчаемся. Но когда доходит до дела – лирике места не остаётся.

– Срежем путь, – предлагаю я.

Данил удивлённо вскидывает брови, хмыкает. Он-то в Канве побольше моего. Может даже видел Чудо собственными глазами.

– Ты о нём знаешь?

– Как видишь, – невесело улыбаюсь я. – И довольно часто бываю.

На лицо друга будто падает тень. Он понимающе качает головой.

– Это одна из тех причин, почему мы держимся вместе, – с неожиданной теплотой произносит Дан.

Я сворачиваю направо. Ныряю в колючее сплетение ветвей.

– А что с озером? – слышу за спиной голос Хомяка.

– О, это интересная история...

Мы не ангелы, Хома. Лучше тебе узнать об этом сейчас. И, по возможности, принять. Хотя догадываюсь, что парень разделит нас на чёрных и белых. На корыстных злодеев и романтических искателей приключений. Правда ведь куда жёстче: в каждом найдётся место и первым и вторым.

* * *

Я не видел, каким было Озеро Десяти Серебряников до

трагедии. Наверное, местом идиллическим. Но и сейчас его можно назвать по-своему прекрасным.

Плѐнка воды, возле берега затянутая зелѐным ковром ряски. Шелестящий на лѐгом ветру камыш, лѐгкая рябь на тѐмной воде. Берега густо заросли кустарником – растения в Канве растут не в пример бойчее, чем на Земле.

Мы пробираемся сквозь джунгли ивняка. Наконец перед нами единственная уцелевшая поляна. Бурьян здесь почему-то не растѐт до сих пор, землю устилает мягкий ковѐр невысокой травы. Видны поросшие плющом каменные скамьи, частично захваченные молодым лесом беседки, чьи купола прочно стоят на изящных колоннах.

Чуть правее темнеет безжизненными проѐмами окон остатки часовенки, дальше – одноэтажный барак. Крыша частично прогнила, обвалилась внутрь.

– Грустное зрелище, – вздыхает Данил.

– Как по мне, так ничего, – отвечаю.

Анна уверенно ведѐт нас к храмовым руинам. Интересно, она была здесь раньше?

Я снимаю с пояса рогатку. Данил вооружаться не спешит. Зря: доверию должен быть предел. Может, Анина пряха не задумала недоброе, но за ней могли увязаться нехорошие люди. Так что засада – штука вероятная.

Осторожно ступая по сухой прошлогодней листве, мы выходим в полумрак храма. Стены, заботливо раскрашенные жрецами, облупились. Большинство картинок уже не

разобрать. Вот здесь – рыцарь, преклонивший колена пред скромной девой. Сама дева превратилась в размытое серое пятно. Но рыцарь до сих пор выглядит убедительно. Вот группа людей простирает руки к небу. Где-то вверху должно быть солнце – интуитивно улавливается авторская задумка. Но светила нет, и кажется, что потерявшие очертания лица с надеждой смотрят на прогнившие балки, пальцы тянутся к безобразным потёкам.

На камне алтаря, закутанном зелёной мантией мха, сидит, скучая, девушка. Симпатичная, длинноногая.

Под ногой хрустит ветка. Пряха встревоженно поднимает голову.

– Я думала, вы не придёте, – облегчённо улыбается она.

– Задержались, – коротко бросает Аня. В голосе её сквозит усталость.

Мы подходим ближе. Пряха идёт нам навстречу, перепрыгивает через обломки.

– Как договаривались? – спрашивает она.

– Да, – кивает Аня.

И в этот момент сердце пронзает тревога. Отчётливая, ясная.

Успеваю лишь обернуться, прежде чем на голову опускается что-то тяжёлое. Ноги дрожат, я не владею телом. Цвета тускнеют, картинка обрамляется тёмной, стремительно сужающейся рамкой.

Последнее, что чувствую – как лицо ударяется о мелкое

каменное крошево на полу.

* * *

Враг проявил неслыханную заботливость. Высадил нас рядком, вдоль одной из стен. Как раз напротив алтаря. Голова гудит, словно колокол. Нормальное зрение возвращается медленно. Я даже начал всерьёз побаиваться за здоровье, но – обошлось.

Ещё немного, и телу возвращается прежняя подвижность. Беда только: я связан по рукам и ногам. Крепко, надёжно. Поворачиваю голову – рядом, спелёнутый, как младенец, Данил. Возле него Хома и Аня.

– Доброго времени суток.

Воздух перед алтарём идёт заметной рябью. Будто в спокойную воду кинули камушек. Буквально из ниоткуда появляются наши пленители. Семеро. На них – однотипные, словно шитые на заказ, комбинезоны изумрудной кожи. Как же, слышали. Костюм из шкуры цианоса. При известном уровне мастерства пряжи могут восстановить на ней необходимые нити, и счастливый обладатель несколько раз станет практически невидимым.

После, кажется, четвёртого-пятого раза хамелеонка превращается в обыкновенную одежду. Дорогая игрушка, бестолковая.

Хотя нынешнее наше положение говорит об обратном.

Лиц я не вижу. Скрыты повязками из той же кожи, на головах – капюшоны.

– Надеюсь, мы вас не сильно... помяли?

Почему-то мне кажется, что обращаются именно ко мне. Всматриваюсь в массивную фигуру говорящего. Нет, таких бугаев мне в друзьях, или врагах, иметь не приходилось. Значит, ошибся.

Я бы с радостью ответил на реплику, полную заботы, но, увы. Во рту отвратительный на вкус кляп.

– Надеюсь, что нет, – продолжает бугай. – Слушай внимательно, старатель. Дважды повторять я не стану.

Удивлённо шурюсь. Нет, не ошибся.

Незнакомец достаёт из кармана какую-то книжечку в кожаной обложке. Небрежно кидает мне под ноги. Она ударяется углом об пол, подскакивает, падает возле самого колена. Скашиваю глаза. Обычная записная книжка. Вроде бы даже Земная.

Но это бред: в иллюзорный мир органику не протащить.

– Здесь расписаны подробные инструкции. Но действовать можешь по своему усмотрению... о, предвижу вопрос. Да, награда будет. Много золота, старатель. Очень много. Это, можно сказать, главный в твоей жизни контракт.

Пытаюсь промычать что-то нецензурное. Глупо, конечно. Но сейчас, после штуки, которой меня огрели, разум словно после двух стаканов водки. Плывёт. И нет страха.

– Говорят, что старатели – существа непостоянные, – про-

должает вещать незнакомец. Шестеро его товарищей стоят, по-военному заложив руки за спину, расставив ноги на ширине плеч. Позёры. – Поэтому мы дадим тебе и твоим друзьям капельку мотивации...

Стоящая возле незнакомца девушка – видно по хрупкой фигуре – резко подаётся вперёд. Широким шагом подходит к нам. Внимательно всматривается в лица, выбирая. На долю секунды я ловлю взгляд её зелёных глаз. Пленительница отворачивается. Берёт за руку Аню, тащит к себе. Та, не упираясь, послушно идёт следом.

Чем-то интересным её стукнули, должно быть.

Незнакомка достаёт из-за пояса дубинку. Вроде той, что я замораживал фриков в пещере.

– Приготовься, – шепчет девушка.

На лице Ани – паника. Теперь она пытается вырваться, но незнакомка ловко ударяет её концом нехитрого оружия под дых. Вспышка слепит глаза, я вижу, как тело девушки начинает биться в конвульсиях. Она падает на камни, нелепо, словно гусеница, извивается.

По ушам бьёт звериный вой. Я не сразу понимаю, что это кричит Хомяк. Он дёргается, силясь встать, страшно вертит глазами.

Предводитель семёрки бросает на пол камушек. Снова вспышка: под ногами у пленителей разворачивается настоящая воронка, словно бы сотканная из толстых нитей воды.

– Не забудь проверить сообщения на мобильном, маль-

чик, – бросает напоследок бугай.

И без страха ныряет в бушующую стихию. За ним, след в след, как заправские парашютисты, прыгают «хамелеончики».

Земля подо мной дрожит, кажется будто рядом, прямо в пол, вонзили гигантский невидимый бур. Но вот последний из странной компании исчезает, и воронка с влажным чпоканьем схлопывается.

Кожу обжигает нестерпимым жаром. В тон ему – почти звериный вопль. С удивлением смотрю на Хомяка: путы на его руках вспыхивают, одежда дымится. Спотыкаясь, на четвереньках он бежит к замершей на полу сестре. Трясёт за плечи.

Сейчас бы самое время выйти. В следующий раз появлюсь на этом же самом месте, верёвки уже не будут сжимать тело. Но не могу: слишком часто бьётся сердце, в голове стрижами мечутся мысли, сердце не отпускает волна адреналина.

– Хома, – просит Дан. – Развяжи нас.

Не верится, что Хомяк отреагирует. Слишком взвинчен. Мне ещё ни разу не доводилось видеть, что стресс делает с элементаристами. Но, вопреки ожиданиям, Хома послушно возвращается к нам.

– У меня в сапоге, – говорю, – нож. Достань.

Мальчишка долго возится, руки его дрожат. Вскоре верёвки бесполезной ветошью подают на пол. Растираю затёкшие руки. Чёрт, как всё-таки больно. Связывали нас на совесть.

На негнущихся ногах иду к девушке. Рядом с ней присаживается Дан.

Удивительно – девушка жива. Дышит, на щеках – здоровый румянец. Глаза плотно сомкнуты.

– Она спит, – говорю я.

– Очень крепко, – подтверждает Данил. – Боюсь, нам её не разбудить.

– Чертовщина, – шепчу.

Взволнованно облизываю губы. Что же делать?

– Тут нужны пряхи, – решаю я. – Сейчас мы её...

Данил кладёт ладонь мне на плечо, до боли сжимает. Заглядывает в лицо. Ни разу не видел друга таким.

– Фокс, – говорит он. – Этот... скот говорил что-то про смс. Сходи, проверь. А мы пока здесь разберёмся.

Секунду размышляю, затем киваю. Что ж, ребята справятся. А вот что сейчас происходит на Земле с моим телом... кто знает?

– Встретимся у Кыша, если что, я выйду и позвоню тебе. Добро?

– Хорошо, – вздыхаю я.

– Удачи... она нам, чую, понадобится.

Глава 3, часть первая

Безопасность иллюзоририка – иллюзорна. Мы неуязвимы в Канве, это расхолаживает. И потому на Земле становимся вдвойне уязвимее. Не забывайте, что риску подвергаетесь не только вы, но и ваши близкие. Лучший способ оградить их от неприятностей – любыми способами беречь собственную шкуру. Смотрите по сторонам, взвешивайте слова и дважды обдумывайте каждый шаг. Канва не прощает ошибок.

Из блога Ткача

Это пробуждение можно назвать одним из самых трудных на моей практике. Я минут десять лежу, глядя в потолок, судорожно хватая ртом воздух, чтобы унять боль. Она тиска-ми сжимает голову, давит на виски, перед глазами прыгают «зайчики». Ощущения не из приятных.

Затем поднимаюсь с кровати, неуверенной походкой иду на кухню, к холодильнику. Свет, бьющий из приоткрытой дверцы, режет глаза, разгоняет утренний мрак.

Смачиваю газировкой пересохшее горло. И только сейчас замечая, как тихо в доме. Включаю настенную лампу, смотрю на часы – всего-то пять утра. Ничего, Женя спит, наверное. Табурет скрипит под моим весом. Не разбудить бы...

Сижу, тупо смотря в окно. Там, за стеклом, уютно падает снег. Хлопья сваливаются на карнизе в миниатюрный су-

гроб. Пройтись по холоду сейчас бы очень кстати. Мысли, подобно снежинкам, танцуют в голове медленный вальс.

По кусочкам, словно собирая пазл, восстанавливаю события, заставившие меня так резко выпасть из Канвы.

– О Господи, – шепчу.

Надо срочно проверить мобильный.

Уже собираюсь подняться, как слышу мерный перестук, словно кто-то плохо закрыл водопроводный кран. Но раковина за спиной, а звук идёт откуда-то спереди... Губ касается что-то горячее, солёное. Подношу к лицу руку – на пальцах маслянисто блестит кровь. Ругнувшись, бегу в ванную.

Всё, теперь подруга точно проснётся.

Возвращаюсь на кухню, задрав голову, с неприятно набухающей ватой в носу. Ещё не переступив порог, готовлюсь наткнуться на полный укоризны взгляд. Но... нет, я опять один. Ухмыляюсь. Просто праздник какой-то!

Поспешно хватаю тряпку, склоняюсь над столом – нужно скорее вытереть кровь, подруга так любит эту дурацкую, с розочками, клеёнчатую скатерть. И тут мой взгляд падает на сложенный пополам листок бумаги. Прямо посередине – две алые кляксы. Даже отсюда видно, что белая поверхность испещрена убористым почерком. Женя пишет мелко, сильно нажимает на ручку.

Разворачиваю послание.

«Фокси! Прости за вчерашнее. Мне позвонили родители – срочно нужно уехать. На мобильный

не звони, я вставила другую симку – мой прежний оператор всё равно не примет сигнал там, где живут предки.

В холодильнике салат, консервы, в общем, что найдёшь – всё твоё.

Запасная пара ключей у тебя есть.

На домашний телефон не отвечай.

Целую, твоя подруга, Евгения.

P.S. Не делай глупостей».

Удивлённо вскидываю брови. Вот это новости! Иллюзорным именем Женя меня называет крайне редко. А уж чтобы она назвалась Евгенией... полного имени своего девушка терпеть не может. Переполняемый мрачными предчувствиями, просматриваю листок на просвет.

Сразу после слова «глупостей» – точка. Но за ней выцарапано, словно у подруги закончились чернила в ручке: «пока не поймёшь, что по-другому нельзя».

Что за фокусы? Сначала клоуны в «хамелеонках» устраивают нам цирковое представление со спецэффектами, в традиции дешёвого приключенческого фильма. Теперь лучшая подруга играет в конспиратора.

Щелкаю выключателем, хитро спрятанным за холодильник. Пластик липкий от прикосновения немытых после готовки рук. Над головой загорается слабенький огонёк. Ещё месяца два назад я вкрутил вместо перегоревшей лампочки новую, энергосберегающую. Горит ярко, но раскочегаривается медленно. Жду, нервно барабанив пальцами по столеш-

нице. Наконец, электричество высвобождает кухню из плена полумрака.

Смотрю на листок ещё внимательней, до рези щурю глаза.

На месте, куда упала капля крови, что-то написано. Силуось разобрать: чернила гелевой ручки предательски расплылись причудливой радугой.

«...ач» – две последние буквы, которые удалось расшифровать. Обрывок слова, зачем-то написанного между строк. Женя по складу ума – технарь. Можно сказать – эталонный. Кто-кто, уж она лишнюю точку не поставит, а тут – целое слово.

Задумчиво скребу ногтями небритую щеку. Что подруга хотела сказать? Врач? Грач? Усач?

Нервно хмыкаю... нет, бред. Криптографией лучше заниматься на свежую голову. Покажу Данилу, или, лучше, Кышу. Он бывший медик, уж если письма коллег разбирает, то и здесь справится.

До ушей доносится слабое треньканье из дальней комнаты. Точно, телефон!

Срываюсь с места, едва не опрокинув табурет. В темноте комнаты маячком светит экран мобильного.

«Добрый вечер, Старатель! Вот краткий план действий: найти то, что нужно нам. Обратить то, что нужно нам, в то, что нужно тебе. Ты мог бы, конечно, отказаться. Но. В наших руках – жизнь твоей подруги. Разумеется, ты мог бы отказаться от Работы и в этом случае. Но. В наших силах сделать

так, что Ты повторишь Её судьбу. Не медли.

Щедрые Работодатели».

Качаю головой. Ах, какие вежливые! Даже «вечера» пожелали. Доброго. Ничего, на добро мы ответим добром.

Сердце испуганно бьётся в груди, в голове переполошенной стайкой выются мысли.

Итак, случилось неприятное. Меня выследили. Это ещё не Конец Света – своей безопасностью я частенько пренебрегаю, следов не заметаю. Да, на Земле меня знает узкий круг лиц. Но что мешает кому-нибудь проболтаться? Не со зла, конечно. К тому же по внешности, при известных связях, можно вычислить личность. Не проблема.

Параноиком я никогда не был, и, понимая, что при некоторых усилиях меня найдут – насчёт маскировки не беспокоился.

Найдут и найдут – думал я.

Вот и нашли.

– Зачем же так... жёстко, – бормочу я, подбрасывая мобильный в ладони. – Да к тому же театрально. В духе боевика...

Наконец, рой в голове успокаивается. Мысленно поэтапно выстраиваю план дальнейших действий. Оставлять всё как есть, нельзя. Мало ли.

Возвращаюсь на кухню, ругая себя последними словами, выключаю торшер. Может статься, что мне повезло, и «работодатели» моего пробуждения не заметили. Если они устро-

или слезку. А я бы на их месте, да при таком подходе, устроил.

В потёмках, подсвечивая телефоном, собираю вещи. Выходит плохо: тёплая одежда, как назло, или в стирке, или убрана Женей в один из шкафов. Или в комод. Или ещё чёрти куда. Делать нечего, вытаскиваю кофту из корзины. Закидываю в рюкзак футболки, носки, бельё.

Молния с трудом застёгивается над беспорядочным ворохом вещей.

Сажусь на полу, настороженно вслушиваясь в тишину. Из крана в ванной метрономом капает вода. Холодильники только-только выключились, отсюда слышу, как шумит в трубках фреон. Тикают часы. Наверху, этажами двумя выше, хлопает входная дверь. Кто-то вернулся со второй смены.

Подъезд, дом, город – спят. Им всё равно до проблем человека, стоящего одной ногой то ли в сказочном мире, то ли в могиле.

Распахиваю дверцу шкафа. Здесь у меня тайник. Под чуть отогнутым листом фанеры. Заначка на три тысячи, и золотая монетка. Баюкаю в руке крохотное, не больше рубля, сокровище, верчу между пальцами. Лёгкий металлический холодок возвращает к реальности.

Это золото добыто из мира Иллюзорного. Значит, ничего не приснилось, значит всё реально.

После резкого выхода непросто прийти в себя. Разум воспринимает и тот и родной мир как сон, фантазию. Фикцию.

Одна часть меня всё это осознает, а другая – сопротивляется. Мы не любим выходить из Канвы раньше срока не только из-за крови из носа.

Это страшно: добровольно балансировать на трапеции, растянутой над пропастью безумия.

Прячу монетку в карман джинсов. Туда же – купюры, свёрнутые в трубочку. Одеваюсь, выбираю куртку потеплее. Неизвестно, сколько времени придётся провести на улице, пока не найду себе новое жильё. В родительский дом возвращаться глупо – там меня наверняка ждут. Да и не стану я перетягивать неприятности на родных.

В темноте разбираю мобильный. На ощупь достаю сим-карту. Секунду размышляю – не выкинуть ли? – затем отправляю в кошелёк. Пусть лежит. Рядом с Жениной запиской.

– Ну вот и всё, – вздыхаю, – прощевай, милая нора. Ты была добра ко...

По ушам бьёт резкий, словно электрический ток, гудок звонка. Он у подруги старый, советский. В нормальное время, бывает, вздрагиваешь. А уж сейчас...

Замираю, боясь дышать. Может быть, ошиблись адресом?

Неизвестный звонит ещё, настырно, требовательно. Знает: дома кто-то есть. Понимаю, что делаю глупость, но всё равно крадусь к глазку. Пальцем отодвигаю защитный колпачок. На лестничной клетке стоит незнакомый мужчина. Лет пятидесяти, явно битый жизнью. Щёки покрыты недельной

щетиной.

Жениных соседей в лица я не запоминал. Даже имён не знаю.

Всматриваюсь внимательнее. Вроде бы обычный такой мужик, можно сказать стандартный. Застиранная футболка с полустёршимся принтом, обычные брюки – хотя в образ подошли бы скорее растянутые тренировочные штаны. И разношенные домашние тапки на босу ногу. Может он в них и обут, отсюда не разглядеть.

Сосед, что-то недовольно бурча, тянется к кнопке звонка. Над головой снова раздаётся требовательное жужжание.

Я в любом случае не стал бы открывать. Побежал проверить трубы – не протекли? – да, возможно. Но распахивать дверь перед незнакомцами в наше время безрассудно. А уж сейчас, когда на мой след вышли загадочные «работодатели», только конченный дурак будет высовывать нос из норы.

Я искренне полагаю себя человеком вменяемым. Ну, может, не самым сообразительным. Но не дураком, в конце концов.

Придирчиво изучаю облик визитёра. Вроде бы всё в порядке, даже на коже, где возможно увидеть, нет наколок. Только...

Победно ухмыляюсь: новенькие чёрные джинсы поддерживает кожаный ремень с металлической пряжкой. Разве, когда тебя заливают, ты будешь надевать ремень? Да – если штаны так и висели на стуле, как ты их бросил, придя с ра-

боты. Если под рукой нет ничего другого. Но, скорее всего, запрыгнешь во что-нибудь поудобнее.

Стараясь не шуметь, возвращаю колпачок на место. Пусть себе долбится в дверь, сколько душе угодно. Или караулит на лестнице.

Я пойду иным путём. Как и положено старателю.

* * *

Незастеклённые балконы сейчас мало где встретишь. А в них, между прочим, есть своё очарование. Утеплённая лоджия – тот же дом, та же семейная крепость. А вот балкон... граница между враждебной улицей, владениями общества, и неприкосновенным уютом квартиры.

Летом сюда выходят покурить, зимой – запирают до весны. Чтобы холод не лез за порог.

Мороз кусает кожу, холодный ветер бросает в лицо горсти снега. Осторожно выглядываю между листов шифера, посаженных на металлический каркас. Внизу сонный освещённый фонарями сквер. Дремлющие в ожидании хозяев машины у обочины узкой дороги. И – ни души.

Замечательно!

Осторожно перекидываю ногу через ограждение. Начинаю безумный спуск. Бетон под ногами предательски скользит. Взгляд невольно падает вниз. Три этажа – вроде бы не высоко, ерунда... а поди ж ты, страшно!

Но... отступить некуда. «Щедрые работодатели» взяли меня в осаду, и, честное слово, никакого желания оставаться у врага под носом нет. Как ещё выбраться? Полицию вызывать? «Помогите, мне угрожают в Канве и реальности...».

Переставляю руки, хватаюсь одетыми в перчатки ладонями за перила. Холодное железо не хочет отпускать: дерматин прикипает к нему на холоде.

Не сдаюсь, ползу дальше. Уже сейчас идея побега не кажется столь светлой. Единственно правильной. Может, лучше было не рисковать, остаться?..

Ещё шаг. Достигаю козырька лоджии второго этажа. Приходится лезть чуть левее, к желтеющей газовой трубе. Вдыхаю. Эх, будь сейчас лето! Можно было бы слезть по ней.

Закусив губу, спускаюсь ещё ниже. Здесь, в ночной тишине, особо чувствуется и мороз, и страх, от которого деревенеют мышцы. Половина пути пройдена. Рюкзак за плечами становится вдруг непомерно тяжёлым, неудобным. Пальцы – словно деревянные. Их разгибаю с трудом, не то что цепляться.

Моё лицо напротив заиндевело́го стекла. Вот соседям радость будет, если увидят мою перепуганную раскрасневшуюся морду.

Ногами нащупываю опору. Тело вытягивается струной, так, что короткая куртка, свитер под ней, задираются. Холод лижет живот, по телу бегут мурашки.

Я дотягиваюсь правой рукой до перил соседского балкона.

Хватаюсь.

И в этот момент случается то, что должно было случиться этажом выше. Левая рука выскользывает из перчатки. Непроизвольно откидываюсь назад, подошвы скользят. Чувствую, что лечу вниз – но правая рука ещё держится за металл. Недолго – кисть от резкого рывка сводит болью, пальцы разжимаются.

Задев напоследок плечом козырёк балкона первого этажа, падаю. Мир вращается перед глазами. Волнующее мгновение невесомости – и вот я в жёстких объятиях сугроба.

Лежу, боясь пошевелиться. Перед глазами сыплющейся с неба снег. Массив двенадцатиэтажки, бельма фонарей.

Меня трясёт от нахлынувшего адреналина. Так, что встать получается только с третьего раза. Правая рука на каждое движение отзывается дикой болью. Невольно прижимая её к груди, осматриваюсь: не видел ли кто моего позора?

Улица так же тиха и сонна. Люди сладко нежатся в объятиях Морфея. Лишь в нескольких окнах горит свет – пробудились ранние пташки. А я... внизу, и... живой!

– Знай наших, – бормочу.

До ушей, через пелену шума крови, доносится звук автомобильного двигателя. Поднимаю глаза – прямо напротив меня, шурша покрышками, останавливается иномарка. Чёрная, с тонированными стёклами – всё как положено. Боковая дверь открывается, из машины выходит рослый незнакомец, с хорошей осанкой, будто вместо позвоночника – че-

рен. Лишь краем глаза успеваю отметить, что лицо у мужчины довольно интеллигентное. Несмотря на впечатляющий разворот плеч.

Не медля ни секунды, зайцем выпрыгиваю из сугроба. Ещё рывок – я скольжу по асфальту. На дорогу выбегать бессмысленно: перехватят. Мчусь под самыми окнами; мимо пролетают голые палисадники, чужие подъезды.

Голова работает похлеще любого компьютера, вычисляет, где лучше проскочить, бегу так, чтобы слева меня прикрывал частокол хиленьких рябин, целые горы снега, заботливо собранные работниками ЖЭКа.

Добегаю до угла дома, сворачиваю вправо. Периферийным зрением вижу, что машина осторожно, словно крупная кошка, крадётся следом. В груди жжёт, боль в боку кажется ерундой. Но вот дворы пятиэтажек, вжавшихся в землю перед громадой молодых собратьев, пройдены. Уже видна широкая асфальтовая река трассы, чуть наклонённое бетонное ограждение стоянки.

Враг, похоже, мой манёвр предугадал. Водитель заметно прибавляет газу, автомобиль ненадолго скрывается за кирпичными коробками, чтобы вынырнуть на проезжую часть. Ещё немного – и седан перекроет мне путь к бегству, из просторного салона вырвутся мордовороты, закрутят руки за спину... ясно, что они могли сделать это и раньше, просто боялись в спешке потерять из виду, искали путь, как проще перехватить...

Я останавливаюсь на краю обочины, затравленно верчу головой. Звать на помощь – бессмысленно. Трасса ещё пуста, да и кто в наше время отзовется?

Из-за поворота, слепя фарами, выруливает импортный грузовик. Не раздумывая, прыгаю ему под колеса. Впереди – только вождеденный бетон забора и белое марево света. Рывок, из последних сил: по ушам бьёт визг тормозов, в спину толкает воздухом – стальная махина прошла всего-то в паре сантиметров. Будь я чуть медленней, всё кончилось бы плохо. Для меня.

А так только для незадачливого водителя и «работодателей». Уже возле самого заграждения слышу грохот, треск, звон стекла. Оборачиваюсь. Грузовик впечатался тупой мордой в чёрный бок иномарки. Я успеваю заметить, как машина, рыча, таранит легковушку. Тащит несколько метров, до первого сугроба. И, моргнув фарами, замирает.

Мой последний в этой погоне финт получается неуклюжим: рука болит настолько сильно, что я с трудом переваливаюсь через бетонные плиты. Как хорошо, что стоянка ныне без хозяина, и колючую проволоку поверх забора давным-давно срезали!

* * *

Двухчасовое сидение в сугробе, на морозе – испытание для организма не из лёгких. Но я терплю. Место, которое я

выбрал для засады, было когда-то раньше игровой площадкой. За моей спиной – бывший детский сад. Дан говорил, что выпускники садика «Колокольчик» не ушли далеко, и работают в тех же стенах, где когда-то росли. Только вместо игровых комнат – офисы. Повзрослевшим детсадовцам больше не нужна огороженная кустарником площадка. Зато ей, судя по разбросанным коробкам-седушкам, воткнутому в куски пенопласта шприцам и пустым пивным бутылкам, успешно пользуются менее благополучные граждане.

Ну и ещё я.

Со стороны дома, за плотным сплетением ветвей, меня не разглядеть. Зато мне всё видно.

Иногда, не выдерживая колючего холода, я прогуливаюсь по захламлённому асфальту, оставляя компрометирующие следы. Выкуриваю одну за другой сигарету, глядя на знакомое окно пятиэтажки. Жду, когда в нём загорится свет. Это будет знаком, что друг вышел из Канвы. Но пока за стеклом темнота. И я жду.

Возле подъезда три машины перемигиваются алыми всполохами сигнализаций. Либо «работодатели» решили подстраховаться и остановились где-то подальше, либо не догадались ловить меня у Дана.

К семи часам город просыпается окончательно. Металлические двери подъездов то и дело хлопают, выпуская жителей на работу. Урчат разогреваемые двигатели авто.

Наконец, когда желание послать всё к чертям и отправить-

ся греться на ближайшую станцию метро овладевает мной, в окне загорается свет. Спустя минут пятнадцать пищит домофон, и на заснеженную улицу выходит Данил. В одной руке целлофановый мешок мусора, в другой – мобильник.

Это наш с Данилом давний способ randevu. На экстренный случаи, которые нет-нет, да случаются. Можно, конечно, подняться наверх, позвонить в дверь, и дожидаться пока друг сам выйдет из объятий Канвы. Но супруга Дана по вполне объективным причинам меня не жалует. Я её понимаю, и нисколько не виню.

Дан мнётся под крышей подъезда, безуспешно пытается меня вызвонить. Затем, убрав мобильный в карман, идёт к мусорным бакам. Я, стараясь держаться тени, двигаюсь ему наперерез.

Друг замечает меня на полпути.

– Ты чего телефон вырубил, – бурчит он, отвечая на рукопожатие. – Я весь на нервах уже.

– Фоксу прищемили хвост, – говорю я. И вкратце описываю утренние приключения.

Данил мрачнеет лицом:

– Так, сейчас быстро садись в машину... я подойду чуть попозже.

– А меня там не «того»?

– Тебя на улице скорее «того», неуловимый старатель...

Что ж, довод разумный. Мы, затравленно озираясь, идём до Данового авто. Он припаркован с другой стороны дома, в

месте, где окна спальни смотрят на местную стоянку.

Стуча зубами от холода, запрыгиваю в «Форд Мондео». В салоне не теплее, чем на улице.

– Хоть печку включи, садист, – говорю.

– Щас, будет тебе и печка, и пряники с чаем...

* * *

Насчёт печки и чая друг не шутил. Но вот пряников я так и не увидел. Мы час петляли по городу, безуспешно пытаюсь высмотреть идущий за нами «хвост». Попутно заехали в «Макдональдс», где раздобыли завтрак.

– Я не понял: ты прямо с балкона сиганул? – спрашивает Дан. Машина останавливается на светофоре. Друг поспешно откусывает от бургера, названия которого я не запомнил.

– Не сиганул, – мрачно поправляю я его, – упал. Там скользко было.

– Цирк... дай посмотрю руку. Болит?

Не успеваю ответить: Данил уже задирает рукав куртки. Шиплю от боли: кисть действительно болит, немного опухла.

– Растянул, – вздыхает друг. – Бедовый... ну ничего, в Канве подлечим.

– Кстати, насчёт Канвы, – говорю, – что там у вас?

– Да ничего нового. Девочку отнесли в Кышеву башню. Всю дорогу спала, как младенец. И сейчас спит, наверное. Быстренько сгоняли в город за пряхой. Та лишь руками раз-

вела. Говорит, клубок нитей такой запутанный, что проще разрубить, чем копать – жизни не хватает.

Машина трогается с места. Выезжаем к набережной. Мимо проплывает прикрытая предрассветной мглой Ока.

– Так разрубили бы.

– Нельзя, – качает головой Дан. – Убьём девочку.

– В Канве не умирают, – бурчу я. Данил ничего не отвечает.

Да, здесь я прав: человек не умрёт, пока связан с Землёй. Если эта связь оборвётся, то есть землянин станет фриком, тело в Канве вновь станет смертным. По крайней мере, так принято думать. Кто знает, может это хитрая уловка, чтобы канвианцы не пополняли фриково войско раньше времени? Хоть у нас и нет государства, нет общей идеологии на Той стороне, сильные мира не могут не знать о Иллюзорном мире. Наверняка предпринимают какие-то действия.

Чтобы проследить эти ниточки, ведущие к правительству, нужно жить в городе, среди людей. А не быть старателем.

– Куда едем? – спрашиваю.

– Просто ждём, – пожимает плечами Дан. При этом движении тихонько скрипит кожа куртки, поднятый меховой воротник на мгновение скрывает от меня лицо компаньона. – Когда Хомяк позвонит.

Словно в ответ на реплику, оживает мобильник. Мы как раз выезжаем на съезд, где движение, несмотря на утро, оживлённое.

– Возьми трубку, – просит меня Дан. – Посмотри кто. Если Хома, или Кыш, скажи – едем.

Смотрю на экран. На нем – забавная рожица грызуна, и подпись «Х. Вург».

– Мы едем, – с ходу говорю я.

– Куда? – голос у Хомяка блеклый, опустошённый. Такая интонация бывает у людей, когда случается что-то действительно серьёзное. Будто мешком по голове человека стукнули.

– Не знаю, – честно отвечаю. – Что там у вас?

Хома недолго молчит, словно пытается собраться с мыслями. В динамике что-то шуршит, хлопает. Только сейчас до меня доходит, что парень плачет.

– Она спит, Фокс, – наконец отвечает элементалист. – Я не могу её разбудить...

– Дан, ты знаешь куда ехать? – спрашиваю я друга, не надеясь на ясный ответ Хомяка.

– Угу.

– Дружище, мы едем, – говорю в трубку. – Держись там!

– Бу-буду...

Прерываю связь. Пересказывать наш диалог не требуется – друг и так всё слышал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.